

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

ДЕЛО ЧИЧЕК против ТУРЦИИ

(Заявление № 25704/94)

ПРИГОВОР

СТРАСБУРГ

27 февраля 2001 г.

ФИНАЛЬНЫЙ

09.05.2001

Это решение станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Он подлежит редакционной доработке перед воспроизведением в окончательной форме в официальных отчетах о некоторых постановлениях и решениях Суда.

В деле Чичек против Турции,

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседающая Палатой в составе:

Мистер Е. ПАЛЬМА, *Президент*,
Г-жа В. ТОМАССЕН,
Мистер Л. ФЕРРАРИ БРАВО,
Мистер Б. ЗУПАНЧИЧ,
Мистер Т. ПАНКИРУ,
Мистер Р. МАРУСТЕ, *судьи*,
Мистер Ф. ГЁЛЬЧЮКЛЮ, *судья ad hoc*,

и г-н М. О'Бойл, Секретарь Секции,

Заседая 6 февраля 2001 г. за закрытыми дверями,

Выносит следующее решение, которое было принято в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 25704/94) против Турецкой Республики, поданной в Европейскую комиссию по правам человека («Комиссия») в соответствии с бывшей статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенции») гражданкой Турции г-жой Хамсой Чичек («заявитель») 8 ноября 1994 г.

2. Интересы заявителя представляли г-н Кевин Бойл и г-жа Франсуаза Хэмпсон, оба из которых являются профессорами Университета Эссекса (Соединенное Королевство). Правительство Турции («Правительство») было представлено своим представителем.

3. Заявительница утверждала, что два ее сына, Тахсин и Али Ихсан Чичек, а также ее внук Чайан Чичек исчезли при обстоятельствах, влекущих за собой ответственность государства-ответчика. В этом отношении она сослалась на статьи 2, 3, 5, 13, 14 и 18 Конвенции.

4. Заявление было объявлено приемлемым Комиссией 26 февраля 1996 г. Комиссия с целью установления фактов в свете спора об обстоятельствах исчезновения двух сыновей заявительницы и ее внука провела собственное расследование в соответствии с бывшей статьей 28 § 1 (а) Конвенции. Комиссия назначила трех делегатов для сбора показаний свидетелей на слушаниях, проводившихся в Анкаре с 16 по 20 июня 1997 г. и с 15 по 19 июня 1998 г. Дело было передано в Суд 1 ноября 1999 г. в соответствии со вторым предложением пункта 3 статьи 5. Протокола № 11 к Конвенции, Комиссия не завершила рассмотрение дела к этой дате.

5. Жалоба была передана в Первую секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). В рамках этой Секции Палата, которая будет рассматривать дело (пункт 1 статьи 27 Конвенции), была сформирована

в соответствии с пунктом 1 правила 26 Регламента Суда. Г-н Риза Тюрмен, судья, избранный от Турции, отказался от участия в рассмотрении дела (Правило 28). Соответственно, Правительство назначило г-на Фейяза Гельчюкю в качестве судьи ad hoc (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 правила 29).

6. Заявитель и Правительство представили свои замечания по существу (Правило 59 § 1). После консультаций со сторонами Палата решила, что слушания по существу не требуется (Правило 59 § 2 in fine).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Заявитель

7. Заявитель, г-жа Хамса Чичек, 1930 года рождения, является гражданином Турции и проживает в Дернеке, деревне в районе Личе провинции Диярбакыр на юго-востоке Турции. Ее заявление подано от ее имени, а также от ее двух сыновей, Тахсина (44 года в 1994 году) и Али Ихсана Чичека (20 лет в 1994 году) и ее внука Чайана Чичека, которые якобы исчезли при обстоятельствах, связанных с ответственность государства.

B. Факты

8. Факты исчезновения двух сыновей заявительницы и ее внука оспариваются. Факты, представленные заявителем, содержатся в Разделе 1 ниже. Факты, представленные властями Российской Федерации, изложены в Разделе 2.

9. Краткое изложение документов, представленных заявителем и Правительством в поддержку своих утверждений, а также доказательств, полученных от свидетелей на слушаниях, проведенных Комиссией в Анкаре, приводится ниже в Части С.

1. Факты в изложении заявителя

10. 10 мая 1994 г. примерно в 6 часов утра около сотни солдат из штаба жандармерии района Личе совершили налет на деревню заявителя. Оставив машины у въезда в село, они прибыли пешком.

11. Солдаты обошли дома, чтобы разбудить жителей деревни, сказав им собраться у мечети и принести с собой удостоверения личности. Когда около 400 жителей села собрались у мечети, солдаты забрали удостоверения личности селян мужского пола. Женщин и детей отправили домой, в результате чего они не смогли стать свидетелями того, что произошло дальше. Согласно тому, что заявителю рассказали присутствовавшие сельские жители мужского пола, солдаты проводили проверку документов, называя имена жителей деревни по очереди из списка. После этого солдаты вернули сельским жителям удостоверения личности, за исключением Рамазана Акьола, Февзи Фидантека, Мехмета Озинекчи, Мехмета Демира и Али Ихсана Чичека (сына заявителя). Этим пятерым жителям было приказано отойти в сторону.

12. Солдаты покинули село, взяв этих шестерых жителей под стражу. Свидетели подтвердили, что задержанных доставили в районную школу-интернат Личе. Утверждается, что там жестоко обращались Тахсин Чичек, Али Ихсан Чичек и Рамазан Акёл.

13. Похоже, что на второй день содержания под стражей солдаты отделили Тахсина и Али Ихсана Чичека от других задержанных, заявив, что они освобождают двух братьев, а также освободят остальных.

14. На следующий день четверо других жителей села были освобождены. Когда они вернулись домой, они были удивлены, обнаружив, что Тахсин и Али Ихсан Чичек не вернулись, хотя были освобождены.

15. Примерно через 20 дней после задержания ее сыновей заявительница связалась с сельским жителем, которого выпустили из региональной школы-интерната Личе, где, по ее мнению, содержались ее сыновья. После того, как заявительница описала своих сыновей, сельский житель подтвердил, что он содержался под стражей вместе с двумя братьями, которые соответствовали ее описанию.

16. Заявитель также встретился с другим сельским жителем, освобожденным месяцем ранее из-под стражи в региональной школе-интернате Личе. Когда заявительница описала своих сыновей и спросила, видел ли он их, этот сельский житель подтвердил, что был задержан с кем-то, похожим на Тахсина.

17. Свидетели рассказали заявителю, что 27 мая 1994 г. сын Тахсин Чайан (то есть ее внук) был увезен силами безопасности из сада их семейного дома. Чайан, которому на момент событий было шестнадцать лет, слаб по зрению; он вообще не может видеть ночью, а его зрение ограничено примерно одним метром при дневном свете.

18. Заявительница подала несколько заявлений в розыск своих сыновей и внука. Она дважды приходила в штаб жандармерии района Личе и спрашивала о них. Ей сказали, что они не могут ей помочь. Заявитель пожилой, живет в деревне и не говорит по-турецки. Это ограничивает количество запросов, которые она может делать. Ее дочь Фериде Чичек, проживающая в Диярбакыре, подала устные ходатайства прокурору Суда государственной безопасности Диярбакыра. Ей был дан устный ответ о том, что ее братья и племянник (то есть сыновья и внук заявительницы) не находятся под стражей.

2. Факты в изложении правительства

19. Правительство заявляет, что сыновья и внук заявителя не были задержаны силами безопасности, и отрицают, что 10 мая 1994 года в Дернеке была проведена операция силами безопасности. Они отмечают, что эта деревня не входила в зону между районами Кулп и Личе в Диярбакыре, где военные операции проводились в период с 23 апреля по 10 мая 1994 года. В этом отношении правительство ссылается на протоколы содержания под стражей, в которых не упоминаются имена Тахсина Чичека, Али Ихсана Чичека и Чайана Чичека, а также показаний двух жителей села Дернек, которые подтверждают, что 10 мая 1994 года в их деревне не проводилось никаких операций.

20. Полномасштабное расследование, основанное на утверждениях заявителя, было сначала начато Главным командованием жандармерии, а позже прокурором Личе было начато предварительное расследование по делу № 1997/182. Мухтар Бехчет Йылмаз и еще один житель села Дернек, Шюкрю Челик, были заслушаны жандармами 29 сентября 1995 года. Другой субъект, живущий в Дернеке, Раиф Аксу, заявил жандармам, что не помнит, чтобы в его доме проходили какие-либо операции. село и те имена, которые ему были прочитаны, не были задержаны, как предполагалось. Прокурор Личе заслушал 8 июля 1997 года Рамазана Акьола, Февзи Фидантека, Мехмета Озинекчи и Мехмета Демира в качестве свидетелей по этому делу.

21. Правительство также утверждает, что есть веские основания полагать, что сыновья заявителя, Тахсин и Али Ихсан Чичек, переехали в Сирию, где у них есть родственники.

С. Доказательства, собранные Комиссией

1. Письменные доказательства

22. Стороны представили различные документы, касающиеся расследования исчезновения Али Ихсана Чичека, Тахсина Чичека и Чайана Чичека.

(а) Официальные отчеты*Ведомственные записи*

23. Записи жандармерии Личе за период с 24 апреля 1994 года по 3 июля 1994 года показывают, что Тахсин Чичек был взят под стражу 24 апреля 1994 года и освобожден 26 апреля 1994 года.

24. В протоколах содержания под стражей Управления по борьбе с терроризмом Управления безопасности Личе и Допроса штаба провинциальных жандармов в Диярбакыре за период с 1 апреля по 31 мая 1994 года нет имен Тахсина Чичека, Али Ихсана Чичека и Чайана Чичека.

План областной школы-интерната Личе

25. По просьбе делегатов Комиссии Правительство представило план Лидской региональной школы-интерната. План включает цокольный, первый и второй этажи, но не включает подвал.

Отчет об операции штабного полковника штаба жандармерии Диярбакыра, датированный сентябрем 1997 г.

26. Второй полк командос сообщил, что в период с 23 апреля по 10 мая 1994 года военные операции велись в регионах Саагезе, Кайгисиз, Далтепе, Мизагюль Даги, Чотук и Херпинос, расположенных между районами Кулп и Личе в провинции Диярбакыр. Согласно этому отчету, деревни Дернек и Арыклы, хотя и находились поблизости, оставались за пределами зоны боевых действий.

Заявление мэра села Дернек Бехчета Йылмаза от 29 сентября 1995 г., сделанное жандармами

27. В этом показании свидетеля спросили о его знаниях и наблюдениях относительно утверждений Хамсы Чичек, изложенных в ее заявлении в Европейскую комиссию по правам человека. Он ответил, что не помнит, проводилась ли операция в селе 10 мая 1994 года. Он утверждал, что Рамазан Акьол, Февзи Фидантек, Мехмет Озинекчи и Мехмет Демир не были взяты под стражу. Он также заявил, что эти люди на самом деле не проживали в селе.

Заявление Шюкрю Челика, жителя села Дернек, от 29 сентября 1995 г., сделанное жандармами.

28. В его показаниях свидетеля спросили о его знаниях и информации об утверждениях Хамсы Чичек, изложенных в ее заявлении в Европейскую комиссию по правам человека. В ответ свидетель заявил, что не помнит, как проводилась операция 10 мая 1994 г. Он заявил, что лица, упомянутые в заявлении, не были взяты под стражу силами безопасности.

Заявление Мехмета Демира от 8 июля 1997 г., принятое прокурором

29. В своем заявлении свидетель пояснил, что тремя годами ранее в Дернек приезжали солдаты и расспрашивали жителей о террористах, которые часто бывают в деревне. Впоследствии он был арестован вместе с Рамазаном Акьолом, Февзи Фидантеком, Мехметом Озинекчи, Али Ихсаном Чичеком и Тахсином Чичеком и доставлен в школу-интернат Личе. Свидетель объяснил, что по прибытии солдаты завязали им глаза и поместили всех в одну комнату. На третий день задержания их перевели на другую военную базу в Личе и отпустили оттуда. По его словам, накануне Али Ихсан и Тахсин были освобождены. Свидетель также утверждал, что никто не подвергался жестокому обращению во время содержания под стражей. Он не видел Али Ихсана или Тахсина после их освобождения и не имел информации об исчезновении Чайана.

Заявление Мехмета Озинекчи от 8 июля 1997 г., сделанное прокурором

30. Свидетель объяснил, что примерно тремя годами ранее, в четверг, рано утром, солдаты пришли в их деревню, провели проверку документов и арестовали Февзи Фидантека, Рамазана Акьола, Мехмета Демира, Али Ихсана Чичека, Тахсина Чичека и его самого. Затем их отправили в районную школу-интернат Личе вместе с некоторыми другими заключенными из соседних деревень. В интернате им завязали глаза и поместили в комнату рядом с хамамом, в подвале здания. Свидетель утверждал, что в течение двух ночей, проведенных в заключении, задержанных солдаты не допрашивали. Они были освобождены из полка в субботу, а Тахсин и Али Ихсан уже были освобождены в пятницу. У него не было информации ни об их местонахождении, ни об исчезновении Чайана Чичека. Кроме того,

Заявление Февзи Фидантека от 8 июля 1997 г., сделанное прокурором

31. В своем заявлении прокурору Февзи Фидантеку заявил, что около трех лет назад в их село пришли солдаты и попросили жителей собраться у мечети. Затем солдаты отделили Рамазана Акьола, Мехмета Демира, Мехмета Озинекчи, Али Ихсана Чичека, Тахсина Чичека и его самого от остальных и отвезли их в региональную школу-интернат в Личе. Свидетель сообщил, что были и другие задержанные из соседних

сел. Солдаты продержали задержанных в подвале интерната две ночи и три дня. По словам свидетеля, Тахсин и Али Ихсан были освобождены в пятницу, а оставшиеся задержанные, включая свидетеля, - в субботу. Свидетель заявил, что у Тахсина было такси, и он довольно часто путешествовал. Свидетель также утверждал, что примерно через двадцать дней после их задержания в Дернеке была проведена новая операция, после которой сын Тахсина Чайан также исчез. Февзи Фидантек заявил, что во время содержания под стражей у него были завязаны глаза, но, поскольку в комнате не было солдат, задержанные могли общаться друг с другом. Он также утверждал, что никто не подвергался жестокому обращению во время содержания под стражей. В конце концов свидетель заявил, что он не имел представления о местонахождении двух братьев.

(б) Документы Диярбакырской ассоциации по правам человека

Отчеты, составленные Ассоциацией по правам человека Диярбакыра (далее «НРА») относительно петиций Фериде Чичек, дочери заявителя, которые были поданы прокурору Суда государственной безопасности Диярбакыра.

32. В документах содержится описание шагов, предпринятых Фериде Чичек в поисках родственников.

33. 20 июля 1994 года Фериде Чичек подала две петиции прокурору Диярбакыра с вопросом, действительно ли ее братья, задержанные силами безопасности 10 мая 1994 года, содержатся под стражей. Она только получила устный ответ о том, что их нет под стражей. В тот же день она подала новое ходатайство в прокуратуру по поводу исчезновения ее племянника Чайана Чичека. И снова устно ей сказали, что Чайан не находится под стражей.

Заявление Хамсы Чичека от 27 июля 1994 г., сделанное члену Диярбакырского правозащитного общества

34. В своем заявлении НРА Хамса Чичек заявила, что она жила в деревне Дернек, в районе Личе, Диярбакыр, и дала следующий отчет об исчезновении двух своих сыновей, Али Ихсана Чичека и Тахсина Чичека, а также своего внука: Чайан Чичек.

35. 10 мая 1994 года солдаты из штаба жандармерии района Личе совершили налет на их деревню и сказали жителям села собраться у мечети. Была проведена проверка личности, после чего женщин и детей отправили домой. Поэтому Хамса не мог видеть, что за этим последовало. Согласно тому, что она слышала от других жителей деревни, солдаты арестовали Рамазана Акьола, Февзи Фидантека, Мехмета Озинекчи, Мехмет Демир и двух ее сыновей Али Ихсана Чичека и Тахсина Чичека и отвезли их в региональную школу-интернат

Личе. Хамсе сказали, что ее сыновья были освобождены на второй день задержания, а остальные задержанные - на следующий день.

36. Примерно через двадцать дней после задержания двух ее сыновей Хамса Чичек встретила сельского жителя, который был задержан вместе с ее сыновьями. По ее описанию, сельский житель сказал Хамсе Чичек, что видел ее сыновей под стражей. Он также сказал, что в заключении с ним плохо обращались, как и почти со всеми, кто там был.

37. Впоследствии Хамса Чичек встретился с другим сельским жителем, выпущенным из областной школы-интерната Личе за месяц до этого. Этот сельский житель сказал Хамсе, что, находясь под стражей, он видел кого-то, кто мог быть Тахсином и который, похоже, страдал из-за жестокого обращения. Этот сельский житель подтвердил, что в последний раз видел человека, похожего на Тахсина, в штабе жандармерии Личе.

38. Согласно тому, что сказали Хамсе 27 мая 1994 года, сын Тахсина Чайан также был увезен силами безопасности из сада их дома.

39. Хамса также заявила, что она запросила информацию в штаб-квартире жандармерии района Личе в отношении ее двух сыновей и внука. В ответ ей сказали, что начальник округа Личе ничем не может ей помочь. Кроме того, дочь Хамсы Чичека, Фериде Чичек, подала две петиции прокурору Диярбакырского суда государственной безопасности, который сообщил им, что Тахсин Чичек и Али Ихсан Чичек не находятся под стражей. Хамса Чичек заявила, что обеспокоена тем, что ее сыновья могли быть убиты во время содержания под стражей силами безопасности.

2. Устные показания

40. Комиссия провела два слушания в Анкаре в период с 16-20 июня 1997 г. и 15-19 июня 1998 г. и заслушала устные показания восьми свидетелей. Показания свидетелей можно резюмировать следующим образом.

а) Хамса Чичек

41. Заявитель, 1930 года рождения, в настоящее время проживает в Дернеке. В момент событий она находилась в селе. Она подтвердила, что подала петицию в Ассоциацию прав человека Диярбакыра (HRA) об исчезновении двух ее сыновей, Тахсина Чичека и Али Ихсана Чичека, и ее внука, Чайана Чичека. Она также заявила, что поручила г-же Хэмпсон представлять ее в Европейской комиссии по правам человека.

42. В мае 1994 года Тахсин Чичек проживал в Дернеке в собственном доме, расположенном напротив дома заявителя. Был женат, имел семерых детей. Али Ихсан, проживавший с заявителем, готовился к военной службе. У заявителя также было еще четыре дочери. Чайан был сыном Тахсина и жил со своим отцом.

43. В день происшествия рано утром, оставив свои машины у въезда в село, солдаты пешком подошли к нему. Они приказали сельским жителям собраться у мечети. Заявитель предположил, что эти солдаты прибыли из Личе. Они провели проверку личности. Заставив пятерых жителей отойти в сторону, в том числе сына заявительницы Али Ихсана, они приказали остальным сельчанам вернуться домой. Хотя солдаты сначала освободили Тахсина, через несколько минут они перезвонили ему и приказали присоединиться к группе из пяти человек.

44. Издалека заявитель видел, как арестовывают Али Ихсана и Тахсина. Солдаты приказали задержанным раздеться догола и обыскать их. Когда они ушли, заявитель попытался последовать за ним, но его остановили трое жандармов. Позже она узнала, что задержанных перевели в районную школу-интернат. Дважды она приходила к спецназовцам из жандармерии Личе и спрашивала о своих сыновьях. Ее направили к командиру жандармерии района Личе.

45. Заявитель пояснил, что районная школа-интернат Лидже частично использовалась военными. В здании жили студенты и учителя, а также солдаты. Согласно тому, что слышала заявительница, ее сыновья были освобождены на день раньше остальных задержанных, которые были удивлены тем, что не увидели Тахсина и Али Ихсана в Дернеке по их возвращении.

46. Заявительница также слышала, что ее сыновья подвергались жестокому обращению в заключении. Некоторые другие задержанные утверждали, что видели их в мокрой одежде.

47. Когда заявительница пошла к командиру жандармов Личе, ее встретил капитан. Ее сопровождал мэр села, так как она не говорила по-турецки. Капитан сказал заявительнице, что у него нет информации о ее сыновьях, но вполне возможно, что жандармы из района Болу могут иметь информацию об этом инциденте. Однако, когда она посетила командира во второй раз, жандармы из Болу не были упомянуты.

48. Заявитель пояснил, что у Тахсина были споры с некоторыми из жителей деревни. Его взяли под стражу примерно за месяц до исчезновения, когда он возвращался домой со свадьбы. Ей рассказали, что молодой человек по имени Джихат, сын тогдашнего мэра села, донес на Тахсина жандармам. Когда неделю спустя Тахсин был освобожден из-под стражи, он обвинил мэра Бехчета Йылмаза в шпионаже за ним, и мэр был вынужден покинуть деревню. Заявительница также утверждала, что, когда она отправилась в Личе в поисках информации о своих сыновьях, она наткнулась на Джихата, который сказал ей, что Али Ихсан был убит и что Тахсин находится в руках солдат.

49. Примерно через месяц после исчезновения ее сыновей заявительница узнала, что ее внук, Чайан, был арестован солдатами. Во время инцидента ее не было в деревне, но ей сказали, что Чайан увезли

из их сада солдаты. Заявительница пояснила, что ее беспокоит судьба своего внука, поскольку он страдает слабым здоровьем.

(b) Фериде Чичек

50. Свидетельница, 1964 года рождения, была дочерью заявителя. Она жила в Диярбакыре, куда переехала пять лет назад. Она дала следующий отчет об исчезновении двух ее братьев и племянника. На момент событий ее братья Али Ихсан и Тахсин жили в Дернеке. Тахсин жил со своей семьей в доме рядом с домом их матери, а Али Ихсан жил со своей матерью. Примерно за три или четыре недели до предполагаемого инцидента Тахсин был арестован по дороге домой со свадьбы по жалобе, поданной на него молодым человеком. В последний раз свидетельница видела двух своих братьев за пару дней до их исчезновения, когда они привезли ее вещи в Диярбакыр. Свидетель пояснил, что у семьи не было врагов в Дернеке и что в семье не было конфликтов.

51. 10 мая 1994 года около полудня ей позвонил Сейтан Озинеки, сын Хаджи Мехмета Озинеки. Сейтан сказал ей, что шесть человек из деревни были арестованы, включая его отца и двух ее братьев. Она немедленно отправилась к Дернеку.

52. В тот же день она добралась до деревни, и ее мать сказала, что солдаты утром совершили набег на деревню, обыскали все дома и приказали всем собраться на площади у мечети и принести свои удостоверения личности. Мужчины и женщины были разделены. После проверки документов были разлучены пятеро мужчин, в том числе Али Ихсан. Эти пятеро мужчин были раздеты догола и подверглись обыску.

53. По словам ее матери, их было более 100 солдат. Жители деревни также рассказали ей, что были разные типы солдат; у первой группы были синие береты, у второй - нет. Ей также сказали, что солдаты затем пошли в дом Тахсина, чтобы арестовать его. Затем задержанных увезли пешком. Хотя ее мать и некоторые другие жители деревни пытались последовать за группой, им сказали повернуть назад. Показания других жителей села подтвердили рассказ ее матери.

54. Свидетельница пояснила, что пробыла в Дернеке две ночи, а затем вернулась в Диярбакыр. Через несколько дней, когда водитель микроавтобуса из Дернека сообщил ей, что четверо задержанных жителей деревни были освобождены, она вернулась в Дернек.

55. В Дернеке она поговорила с Рамазаном Акьолом, освобожденным из-под стражи в тот же день. Он сказал ей, что ее братьев отпустили накануне. Рамазан Акьол также подтвердил, что их вместе отправили в школу-интернат и держали там с завязанными глазами до полудня следующего дня. Он напомнил, что сначала Али Ихсан, а затем Тахсин были увезены на допрос. Он сказал свидетелю, что Али Ихсан подвергся жестокому обращению и что у него были взяты показания. Рамазан не

упомянул, что случилось с Тахсином, но сказал свидетелю, что Али Ихсан и Тахсин были увезены. Он не знал, куда они пошли, но когда ему вернули удостоверение личности, у него сложилось впечатление, что два брата уже были освобождены.

56. Свидетельница утверждала, что, помимо четырех жителей села, ее братьев видел искалеченный, также содержащийся в районной школе-интернате. Водитель микроавтобуса, который отвез этого человека к своему дому после его освобождения, сообщил заявителю, что кто-то видел ее братьев под стражей. Следовательно, свидетель пошел к этому человеку, который сказал ей, что был задержан с двумя братьями. Мужчина сказал, что один из братьев сказал ему, что он приехал из деревни, которая не была Дернек. Он вспомнил, что, хотя он не разговаривал с другим, у него была возможность увидеть их обоих из-под своей повязки на глазах. Он описал одну как низкорослую, пухлую и лысеющую, а вторую - как очень худую. Свидетель решил, что первое описание соответствует Тахсину, а второе - Али Ихсану.

57. Более того, свидетель узнала от своей матери, что некий Рамазан, также содержащийся в тюрьме Личе, сказал ее матери, что он и Тахсин были скованы цепями в тюрьме на 30-40 дней. Тахсин был более или менее без сознания и все время повторял имя своей дочери.

58. Свидетельница также пояснила, что примерно через шестнадцать дней после ареста ее братьев ее племянник Чайан, сын Тахсина, также был арестован. В то время она была в деревне. Утром мать посадила Чайана на осла и отправила его в поле. Чайан не вернулся. Позже тем же вечером с ними связалась родственница, которая утверждала, что видела, как солдаты увели Чайан с поля вместе с двумя другими женщинами. Свидетель напомнил, что солдаты прошли через село в день ареста Чайана.

59. Свидетельница утверждала, что ее мать испробовала все, чтобы найти своих сыновей. Она пояснила, что сама обращалась в Ассоциацию прав человека, где адвокат готовил для нее петиции. Она передала эти ходатайства прокурору Суда государственной безопасности Диярбакыра, который устно ответил, что эти люди не находятся под стражей. Петиции не регистрировались и на них ничего не было написано. Однако ей выдали бумагу и велели обратиться в органы безопасности.

(с) Хасан Чакир

60. Свидетелем был унтер-офицер старший сержант жандармерии. Во время событий он был начальником центрального жандармского участка в Личе. Он объяснил, что в мае 1994 года Личе был очень важным районом деятельности РПК, и жандармы из Личе часто посещали деревни в районе и вокруг него. Воинские части, которые время от времени приезжали в Лице, размещались в районной школе-

интернате сроком на десять-пятнадцать дней. Эти части участвовали в операциях с жандармами. Однако они находились под командованием командира своего отряда, который, как правило, имел более высокий ранг, чем командир жандармерии округа. Свидетель объяснил, что перед операцией оба подразделения изучали карты местности и делились задачами. Прежде, чем такое подразделение прибыло или покинуло регион,

61. Во время операций все солдаты носили одинаковую форму по соображениям безопасности, включая спецназовцев, которые обычно носили «синие береты». Когда жандармы посещали деревню, они действовали в соответствии с полученными приказами. Иногда они просто разговаривали с сельскими жителями, чтобы предупредить их, чтобы они не поддерживали и не помогали РПК.

62. Свидетель заявил, что около двадцати пяти деревень находятся в его юрисдикции. Он занимался их судебными проблемами и проблемами безопасности, взяв на себя обязанности полиции. Он вспомнил, как пару раз ездил в Дернек, так как в его обязанности входило часто бывать в деревнях. В этом селе было несколько сторонников РПК, и он слышал о Тахсине Чичеке. Он пояснил, что если Тахсин и Али Ихсан будут заключены под стражу, их имена обязательно появятся в журналах.

63. Когда солдаты планировали войти в село, вышестоящему командиру немедленно сообщалось письменным сообщением, в котором указывалось количество лиц, которые примут участие в операции, и лидер группы. Все сообщения зарегистрированы. Также велся журнал, в котором, при необходимости, ежечасно фиксировались все происшествия. Чтобы проверить, были ли солдаты в Дернеке 10 мая 1994 г., достаточно проверить записи, которые точно укажут, где находились жандармы в тот день. Солдаты, поселившиеся в районной школе-интернате, также вели учет, помогая жандармам во время боевых действий.

64. Свидетель также утверждал, что в районном штабе жандармерии были помещения для содержания только двух или трех задержанных. Если их было больше, их помещали в кабинет под присмотром солдата. Задержанные сначала содержались в офисах, а затем помещались в изолятор. На этом этапе их имена не регистрировались. Если после допроса было установлено, что задержанный совершил правонарушение, его переводили в прокуратуру. В противном случае его отпустили. Подразделения командос не имели полномочий брать людей под стражу. Если находили преступника, то передавали его жандармам.

65. В районной школе-интернате Личе не было мест содержания под стражей. Если армейское подразделение, базирующееся в школе-интернате, приняло участие в операции с жандармами и арестовало ряд

жителей села, то вполне возможно, что эти люди были сначала доставлены в районную школу-интернат, а затем переданы в жандармерию.

66. Если военные находили людей в списке «разыскиваемых» во время проверки документов, им приходилось сообщать жандармам по телефону или радио, кто в таком случае перебирал их. При заключении под стражу имя человека будет зарегистрировано в журнале учета содержания под стражей, и его будут обыскивать. Только после этих шагов он мог быть заключен под стражу. Некоторых задержанных могут направить в разведывательное подразделение жандармерии в Диярбакыре для дальнейшего расследования.

(d) Шахап Ярали

67. Свидетель, который во время происшествий был капитаном, был начальником штаба жандармерии Лидже. Он работал в Личе с августа 1993 года по август 1995 года.

68. Свидетель, который знал Дернека, на самом деле никогда не входил в него, хотя часто проходил мимо. Дернек, как известно, оказывал значительную поддержку РПК. Он не встречался с Тахсином Чичеком лично, хотя слышал, что семья Чичека была связана с РПК. Он напомнил, что Чичек - это имя, используемое несколькими семьями, не все из которых были сторонниками РПК. В указанные даты он не принимал участия в операции, в ходе которой подозреваемые в терроризме были задержаны или задержаны.

69. Все воинские части, участвуя в операции, отправляли сообщение или форму с информацией об операции / формальный документ с указанием времени, места и цели операции, а также частей, которые будут в ней участвовать. Это было передано вышестоящему офицеру. Такие операции следует отличать от регулярных визитов жандармов в деревни в административных и судебных целях. Когда свидетель получил информацию о присутствии террористов в этом районе, он должен был заполнить формальное сообщение для своего начальства. Всякий раз, когда кого-либо задерживали, будь то во время обычного посещения или во время операции, солдаты должны были сообщить об этом своему начальнику. Все задержанные заносятся в бухгалтерскую книгу, о чем впоследствии уведомляется прокурор.

70. Личе состоял из поселения, состоящего из 65 деревень, разделенных на десять или двенадцать секций, и каждая секция была прикреплена к жандармскому участку. В подчинении свидетеля находилось шесть жандармских постов, в том числе центральный жандармский пост, которым командовал Хасан Чакир и к которому был прикреплен Дернек.

71. Время от времени в районной школе-интернате базировались воинские части. В целом за безопасность в сельской местности отвечали

только жандармы. Однако, если сил было недостаточно для контроля конкретной ситуации, требовалось подкрепление и пехота или наземные силы были развернуты в этом районе. В совместных операциях командование принимал самый старший офицер участвующих подразделений. Хотя свидетель был независим при исполнении своих административных / судебных полномочий, он, тем не менее, нес ответственность перед губернатором за свои административные действия и перед окружным прокурором за судебные.

72. Подразделения подкрепления никогда не могли выполнять судебные обязанности жандармов. Если эти подразделения выходили на операцию в горных районах и находили подозреваемого, они подключали жандармов, чтобы проверить, разыскивается ли человек, и, если да, то могли его привлечь. У подразделений подкрепления была совершенно другая система записей. и, насколько свидетель знал, не пользовался служебными книгами или журналами учета, поскольку у них не было судебных функций для выполнения. Во время операций командиры жандармерии «голубых берет» снимали фуражки и носили обычные армейские фуражки для маскировки.

73. Свидетель не согласился с тем, что кого-либо, задержанного в ходе совместной военно-жандармской операции, можно было даже временно доставить в районную школу-интернат. Он объяснил разницу между заключением человека под стражу и помещением его в камеру содержания под стражей. Чтобы сделать подозреваемого неэффективным и провести личный досмотр, свидетель имел право держать человека рядом с собой, например, в кафетерии под охраной. Этот подозреваемый может быть освобожден в течение 24 часов. Такое лицо не будет помещено в камеру содержания под стражей и, следовательно, не будет упомянуто в журнале учета содержания под стражей. Свидетель сказал, что это «взятие кого-то под наблюдение», а не содержание под стражей. Заявление подозреваемого будет снято, и, если он виновен в правонарушении, он будет помещен в камеру содержания под стражей и внесен в бухгалтерскую книгу. Если кто-то явно опасен и требует допроса или должен оставаться на ночь, его обязательно помещают в камеру содержания под стражей и регистрируют в бухгалтерской книге. Однако, если бы кого-то отправили прямо в Диярбакыр для допроса о террористических преступлениях, его могли бы не упомянуть в записях Личе. Поскольку в Личе не было допроса, людей отправляли в Диярбакыр, а иногда и приглашали группу допросов приехать в Личе. Иногда допрос человека выявляет другие имена, и в этом случае отдел безопасности Диярбакыра может потребовать их ареста и отправки в Диярбакыр. он может не упоминаться в записях Личе. Поскольку в Личе не было допроса, людей отправляли в Диярбакыр, а иногда и приглашали группу допросов

приехать в Личе. Иногда допрос человека выявляет другие имена, и в этом случае отдел безопасности Диярбакыра может потребовать их ареста и отправки в Диярбакыр. Он может не упоминаться в записях Lice. Поскольку в Личе не было допроса, людей отправляли в Диярбакыр, а иногда и приглашали группу допросов приехать в Личе. Иногда допрос человека выявляет другие имена, и в этом случае отдел безопасности Диярбакыра может потребовать их ареста и отправки в Диярбакыр.

74. Свидетель также пояснил, что он не проверял записи перед тем, как явиться на слушание, и не помнил точно, что делал 10 мая 1994 г. Однако он удостоверился, что в тот день его не было в Дернеке. Он не мог вспомнить никого, кто спрашивал информацию о своих родственниках, содержащихся под стражей. Он никак не прокомментировал тот факт, что некоторые люди исчезли в районе Личе в 1994 году.

е) Мустафа Кучук

75. Свидетель заявил, что в мае 1994 года он был командиром роты командос жандармерии. Все его подразделение насчитывало около 140 человек. Г-н Ярала был командующим его округом, а Хасан Чакир - командиром его участка. Его работа заключалась в том, чтобы обезопасить территорию. Административные и судебные функции выполняли другие жандармы. Он никогда не видел, чтобы командос обыскивали, задерживали людей или проверяли документы. «Синие береты» отрядов спецназа не использовались в боевых действиях, так как были слишком заметны.

76. Не исключено, что отряды спецназовцев, базирующиеся в областной школе-интернате, будут отправлены на операцию. В областной школе-интернате для обеспечения безопасности в районе дислоцировалось отряд из 40 солдат, учитывая количество сожженных школ. Подразделения командос не вели отдельных письменных отчетов или ежедневных служебных журналов. Они сообщили вышестоящему офицеру после завершения своей деятельности. Если бы они принимали участие в операции, это будет заранее указано в анкете операции. Однако подготовка этой формы была не его задачей, а задачей начальника районных жандармов. Его обязанностью было обучение и упражнения своих людей. Любого, кого поймали его войска, доставили прямо в штаб жандармов. Исключительные полномочия по задержанию людей имели уездные жандармы.

77. Он знал деревню Дернек, но никогда в нее не заходил. Он прошел мимо. Примерно 10 мая 1994 года он не участвовал ни в одной операции в этом селе. Трудно сказать, какие подразделения участвовали в такой операции. Если бы это была крупная операция, то в ней участвовали бы

все подразделения коммандос в этом районе; в противном случае это были бы только местные жандармы.

(f) Февзи Фидантек

78. Свидетель проживал в Дернеке. Он знал Тахсина и Али Ихсана Чичека, односельчан. Тахсин был женат и имел шестерых детей; он жил в доме рядом с домом своей матери, недалеко от мечети. У него было такси, и он иногда бывал вдали от деревни. Али Ихсан был холостяком и жил со своей матерью.

79. 10 мая 1994 г. рано утром в село пешком пришли около 300 жандармов. Жители деревни уже встали на утреннюю молитву. Свидетели не могли вспомнить, были ли солдаты спецназовцами или жандармами из Личе. Он не узнал ни жандармов, ни их командиров. Он заявил, что до 10 мая 1994 года, когда солдаты пришли в село, они ушли прямо в горы в поисках террористов. Жителей села никто не беспокоил.

80. Свидетель не мог точно вспомнить, в какой день недели они были задержаны. Он подумал, что это мог быть вторник. В день операции солдаты приказали всем сельчанам собраться у мечети. Они взяли у всех удостоверения личности и сравнили имена со списком. Затем солдаты вернули большую часть удостоверений личности, за исключением Али Ихсана Чичека, Тахсина Чичека, Мехмета Озинеки, Мехмета Демира, Рамазана Акьола и его самого. Остальные жители разошлись по домам. Солдаты также обыскали дома, а затем пешком отвезли шестерых жителей деревни прямо в районную школу-интернат.

81. Свидетель сказал, что сначала им не завязывали глаза. Они пошли в школу-интернат, которую он хорошо знал, так как там учились его дети. Он подтвердил, что часть здания использовалась военными. В школе им завязали глаза, но их личные вещи не зарегистрировали. Они также не прошли медицинское освидетельствование.

82. Их держали вместе в подвале дома возле туалета и умывальника. Их руки были свободны, но глаза были завязаны. Свидетель утверждал, что он знал, что Али Ихсан и Тахсин Чичек были с ним, потому что они сидели рядом и могли спокойно разговаривать. Ночью они спали на стульях. Им дали хлеб, печенье и воду.

83. Во время задержания не было дано объяснения причин задержания. Он был единственным, кого допрашивали. Его спросили, присоединился ли его сын к партизанам в горах, и он сказал солдатам, что его сын находится в Стамбуле. Затем его спросили о точном адресе его сына; он сказал солдатам, что не знает, и был отпущен. Солдаты только взяли его показания. Он подчеркнул, что никто не подвергался жестокому обращению в интернате.

84. Свидетель сообщил, что они пробыли в школе два-три дня. В пятницу солдаты освободили Тахсина и Али Ихсана. Он слышал, как кто-то сказал: «Тахсин Чичек, Али Ихсан Чичек, возьмите свои удостоверения

личности, вы свободны». Остальные остались еще на одну ночь в интернате. В субботу остальные задержанные были доставлены в полк на границе Личе и оттуда отпущены. Свидетель не мог разобрать, были ли солдаты спецназовцами или регулярными войсками. Прилетел вертолет, и им сказали, что жители села Дернек должны выйти. Затем им сказали, что они свободны. Через неделю свидетель и другие задержанные пошли в участок Личе, чтобы получить обратно свои удостоверения личности. Свидетель объяснил, что жандармерия Личе и полк являются разными организациями.

85. Когда свидетель вернулся домой, жители села спросили его об Али Ихсане и Тахсине. Он сказал им, что Али Ихсан и Тахсин уже освобождены. Свидетель заявил, что он никогда не говорил Хамсе, что он или ее сыновья подвергались жестокому обращению.

86. У Тахсина был сын по имени Чайан. Свидетеля не было в селе в то время, когда Чайан исчез. Когда он вернулся, ему сказали, что Чайан больше нет в селе.

87. Мухтаром Дернека в мае 1994 года был Бехчет. Он был соседом свидетеля, который также знал сына мухтара, Джихата. Хотя Джихат не был взят под стражу, он проследовал за группой в районную школу-интернат. Когда солдаты спросили его, почему он едет с ними, Джихат ответил, что потерял удостоверение личности и хочет, чтобы ему выдали новое. После этого он отправился с задержанными в Личе. Свидетель не видел его после операционного дня. Джихата не держали с задержанными в областной школе-интернате.

g) Мехмет Озинекчи

88. Свидетель проживал в Дернеке и находился в деревне во время инцидента 10 мая 1994 года. Тахсин и Али Ихсан Чичек были сыновьями дочери его дяди Хамсы.

89. В апреле - за месяц до задержания - Тахсин был задержан во время свадьбы сына свидетеля в районе. Свидетель объяснил, что пришли несколько человек, забрали Тахсина и отпустили через четыре или пять дней. Причину ареста он не знал.

90. В мае 1994 г. свидетель находился в селе, когда проходила операция. По словам свидетеля, было около 1000 солдат, некоторые из них были спецназовцами, хотя он не мог быть уверен. Солдаты собрали жителей села и провели проверку документов. У солдата был список имен, но свидетель его не видел. Солдаты отделили пять или шесть жителей деревни и свидетеля от остальных и отвезли их в Личе. Тахсин и Али Ихсан были среди арестованных. Солдаты также привозили людей из других сел. Свидетель не мог вспомнить, сколько всего было задержанных. Задержанных вывели на площадь возле школы в нижней части села. Солдаты обыскали все дома. С площади их пешком отвезли в школу-интернат им. Личе. Как только они оказались в здании, им завязали

глаза. В интернате были и ученики, и солдаты. Из комнаты, в которой они содержались, задержанные слышали, как на улице разговаривают дети.

91. Прибыв в интернат, солдаты не записали свои данные и не занесли свои имена в журнал. Удостоверения личности им не вернули. Их отвели в подвал здания возле туалета и умывальника. Их всех держали вместе в одной комнате, вместе с сельскими жителями из других деревень. В комнате не было ни стульев, ни столов. Пол был бетонным, и они сели на пол. У всех были завязаны глаза. Али Ихсан и Тахсин находились в одной комнате со свидетелем, сидя рядом с ним. Свидетеля не допрашивали. Задержанным удалось тихо поговорить друг с другом, хотя это было запрещено. При необходимости задержанные собирали деньги, а солдаты покупали для них продукты. Свидетель дал Али Ихсану немного денег и попросил передать их солдату на покупку хлеба. Солдат принес им хлеб. Однако они никогда не рассказывали, почему их взяли под стражу.

92. По словам свидетеля, их выводили по одному для дачи показаний. Солдаты не допрашивали его, но свидетель подтвердил, что Тахсин и Али Ихсан были доставлены для допроса. Однако он не знал, о чем их спрашивали. Свидетель заявил, что не может вспомнить, сколько раз двух братьев забирали на допросы.

93. Свидетель утверждал, что он не подвергался жестокому обращению, пока содержался в районной школе-интернате. Две ночи они ждали в комнате, а затем были доставлены в полк и оттуда отпущены. Свидетель продолжил, что он не слышал, чтобы кто-то еще подвергался жестокому обращению. Однако он заявил, что ничего не видел из-за повязки на глаза. Тахсин сидел рядом с ним, а пальто Али Ихсана лежало рядом с ним. Солдаты вывели Тахсина и Али Ихсана из комнаты примерно на двадцать минут, а затем вернули их. Свидетель заявил, что не знал, увели ли их в другую комнату или на улицу. Они были задержаны в четверг, а в пятницу Тахсин и Али Ихсан Чичек были освобождены. Солдаты зачитывали свои имена и, вероятно, вернули свои удостоверения личности. Свидетель услышал голос, сказавший: «Уходите. Вы оба свободны». Он сидел на пальто Али Ихсана, когда его увезли. Али Ихсан, должно быть, рассказал солдату о своем пальто, когда тот вернулся и сказал свидетелю отдать пальто Али Ихсану. Свидетель заявил, что не знает, куда увезли братьев, и добавил, что с тех пор не видел их. После этого в субботу солдаты освободили остальных задержанных. По прибытии в полк солдаты сняли повязку с глаз. Свидетель пояснил, что полк находился в центре Личе. Там они ждали около получаса, а затем были отпущены. Им сказали прийти через неделю за удостоверениями личности. Али Ихсан, должно быть, рассказал солдату о своем пальто, когда тот вернулся и сказал свидетелю отдать пальто Али Ихсану. Свидетель заявил, что не знает, куда увезли братьев, и добавил, что с тех пор не видел их. После этого в субботу солдаты освободили остальных задержанных. По прибытии в полк солдаты сняли повязку с глаз.

Свидетель пояснил, что полк находился в центре Личе. Там они ждали около получаса, а затем были отпущены. Им сказали прийти через неделю за удостоверениями личности. Али Ихсан, должно быть, рассказал солдату о своем пальто, когда тот вернулся и сказал свидетелю отдать пальто Али Ихсану. Свидетель заявил, что не знает, куда увезли братьев, и добавил, что с тех пор не видел их. После этого в субботу солдаты освободили остальных задержанных. По прибытии в полк солдаты сняли повязку с глаз. Свидетель пояснил, что полк находился в центре Личе. Там они ждали около получаса, а затем были отпущены. Им сказали прийти через неделю за удостоверениями личности. солдаты отпустили остальных задержанных. По прибытии в полк солдаты сняли повязку с глаз. Свидетель пояснил, что полк находился в центре Личе. Там они ждали около получаса, а затем были отпущены. Им сказали прийти через неделю за удостоверениями личности. солдаты отпустили остальных задержанных. По прибытии в полк солдаты сняли повязку с глаз. Свидетель пояснил, что полк находился в центре Личе. Там они ждали около получаса, а затем были отпущены. Им сказали прийти через неделю за удостоверениями личности.

94. Затем все задержанные вернулись в село. Мать Али Ихсана и Тахсина пришла и спросила свидетельницу о местонахождении ее сыновей. Свидетельница сказала Хамсе, что ее сыновья уже были освобождены в пятницу. Хамса сказал ему, что они не вернулись домой.

95. Свидетель объяснил, что он не сказал Хамсе, что Али Ихсан, Тахсин или он сам подвергались жестокому обращению в школе-интернате. Он не подвергался жестокому обращению. Свидетель также указал, что братья могли подвергнуться жестокому обращению, когда солдаты вывели их из комнаты. Однако он ничего не слышал и не видел.

96. Свидетель также заявил, что он не знал, где находится Чайан. У Тахсина было много сыновей, включая Чайана, который был слепым. Он слышал, что Чайан исчез из села. Однако он ничего не видел. Он не знал, почему они взяли Чайан. Он слышал, что Чайан исчез через 6 или 7 дней после операции. К тому времени свидетель находился в Диярбакыре. Он не знал, что там была операция.

97. Свидетель подтвердил, что он разговаривал с Фериде Чичек, дочерью Хамсы, один или два раза. Последний раз он разговаривал с ней два года назад. На вопрос Фериде он ответил, что видел, как солдаты увозили ее братьев. Затем Фериде пошла в Диярбакырскую НРА и рассказала им об инциденте. Она также попросила его дать показания в Диярбакыре. Свидетель подтвердил, что повторил эту историю прокурору, и настаивал на том, что не боялся давать показания по этому поводу.

h) Мехмет Демир

98. Свидетель, фермер, живет в Дернеке и находился в деревне во время инцидента 10 мая 1994 года.

99. Он знал, что Али Ихсан жил со своей матерью Хамсой. Тахсин жил в собственном доме со своей семьей и имел шестерых детей. Тахсин Чичек раньше работал в деревне, но иногда находил работу в другом месте. У него были овцы, козы, животные и немного сельскохозяйственных угодий. У него также было такси, которое забрали у него еще до заключения под стражу. Свидетель пояснил, что ему не было известно, имел ли Тахсин когда-либо проблемы с властями до мая 1994 года. Он не присутствовал на свадьбе сына Мехмета Озинекчи.

100. Когда проходила операция, он был в селе. Во время утренней молитвы солдаты шли пешком. Солдат было много, но он не мог различить, жандармы они или рядовые. Солдаты прибыли в деревню перед этой операцией, но не имели никакого отношения к сельским жителям; они ушли в горы. Однако в тот день они пришли и собрали жителей деревни. Они провели проверку личности и сохранили некоторые удостоверения личности (включая карты свидетеля и четырех или пяти других жителей деревни). Наконец солдаты забрали их. Были и другие сельчане из других деревень. Рамазан Акьол, Февзи Фидантек, Мехмет Озинекчи, Тахсин Чичек и Али Ихсан Чичек были среди арестованных. Их отвезли в школу-интернат Личе пешком. Хотя это и был интернат, часть здания использовалась солдатами. Свидетель никогда раньше не был в школе.

101. Солдаты не записывали данные о задержанных и не регистрировали их в записях или бухгалтерских книгах. Они забрали свои вещи. В школе сначала завязали глаза Тахсину, а затем свидетелю. У него никогда не было возможности снять повязку с глаз.

102. Задержанных перевели в комнату в подвале здания. Он был бетонный. Это было место, похожее на баню (хаммам). Поскольку свидетелю завязывали глаза, он не мог ничего видеть, но заметил, что мебели не было. Все задержанные были односельчанами, было несколько человек из близлежащих деревень. Их руки и ноги не были связаны. Охранники и солдаты оставались возле них, чтобы пресечь любые попытки разговора. Однако комната была маленькой, и задержанные могли говорить скрытно. Свидетель мог слышать голоса Тахсина и Али Ихсана, которых продержали в заключении одну ночь. Свидетеля на допрос ни на одном этапе не вызывали. О причинах задержания задержанным не сообщили. Свидетель заявил, что не знал, допрашивались ли Тахсин и Али Ихсан. Солдаты увезли их в другое место; он не знал, что с ними могло случиться. Он не видел, чтобы Али Ихсана или Тахсина забирали для допроса на любом этапе задержания.

103. Свидетель заявил, что он не слышал, как солдаты выкрикивали имена Али Ихсана и Тахсина, поскольку его слух был плохим. Возможно,

они сделали это без его ведома. В какой-то момент он услышал, как некоторые задержанные говорили, что Тахсин и Али Ихсан были освобождены и отправлены домой. Позже солдаты заявили, что освободили братьев. Остальные задержанные остались еще на одну ночь. Затем их доставили в полк на машинах с завязанными глазами и отпустили. Их удостоверения личности были возвращены позже. Свидетель пошел в свою деревню и спросил о Тахсине и Али Ихсане. Ему сказали, что они не вернулись. Их мать пришла к нему домой и спросила, где ее сыновья. Свидетельница сказала ей, что накануне их отпустили. Свидетель заявил, что в заключении он не подвергался жестокому обращению. Он также не сказал Хамсе, что другие подверглись жестокому обращению. Солдаты хорошо относились к людям. После этой даты свидетель ничего не видел и не слышал об Али Ихсане или Тахсине.

104. У Тахсина был слепой сын по имени Чайан. Свидетель не знал, где он находился. Во время исчезновения Чайана свидетель пас животных на горе. Вечером он спустился, и ему сказали, что Чайан исчез. После задержания прошло много времени. Свидетелю не было известно о военной операции в селе в день исчезновения Чайана.

105. Свидетель знал также сына мухтара Джихата. Он ничего не слышал о том, чтобы он вступил в РПК или сопровождал солдат во время операции; он также не знал, был ли он тем, кто выступал против Тахсина и Али Ихсана. Он не знал, где был Джихат. Когда их взяли под стражу, Джихат пришел с ними, чтобы получить свое удостоверение личности. Когда их отпустили, его с ними не было.

106. Свидетель заявил, что не боялся давать показания и никому не говорил, что боялся давать показания.

107. Свидетельница наконец объяснила, что, поскольку сыновья Хамсы Чичек исчезли, она живет за счет благотворительности других. Ее муж давно погиб в дорожно-транспортном происшествии, а у нее пять или шесть внуков с проблемами со здоровьем.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЙ ВНУТРЕННИЙ ЗАКОН

A. Чрезвычайное положение

108. Примерно с 1985 года на юго-востоке Турции бушевали серьезные беспорядки между силами безопасности и членами Рабочей партии Курдистана. По данным правительства, это столкновение унесло жизни тысяч мирных жителей и сотрудников сил безопасности.

109. Два основных указа, касающихся юго-восточного региона, были приняты в соответствии с Законом о чрезвычайном положении (Закон № 2935 от 25 октября 1983 г.). Первое, Постановление № 285 (10 июля 1987 г.) установил региональное управление чрезвычайного положения

в десяти из одиннадцати провинций на юго-востоке Турции. В соответствии со статьями 4 (b) и (d) указа все частные и общественные силы безопасности и Общественное командование защиты общественного порядка жандармерии находятся в распоряжении губернатора области.

110. Второй, Указ № 430 (16 декабря 1990 г.), усилены полномочия губернатора области, например, отдавать приказ о переводе из региона государственных должностных лиц и служащих, в том числе судей и прокуроров, и предусмотренных статьей 8:

«Никакая уголовная, финансовая или юридическая ответственность не может быть привлечена к губернатору региона чрезвычайного положения или губернатору провинции в регионе чрезвычайного положения в отношении их решений или действий, связанных с осуществлением полномочий, возложенных на них настоящим Указом, и с этой целью не должно подаваться никаких заявлений в судебные органы. Это не наносит ущерба правам людей требовать от государства возмещения ущерба, причиненного им безосновательно ».

В. Конституционные положения об административной ответственности

111. Статья 125 Конституции Турции гласит:

«Все действия и решения администрации должны компенсировать любой ущерб, причиненный ее собственными действиями и мерами».

112. Это положение не подлежит никаким ограничениям даже в условиях чрезвычайного положения или войны. Последнее требование положения не обязательно требует доказательства наличия какой-либо вины со стороны администрации, ответственность которой носит абсолютный, объективный характер, основанный на теории «социального риска». Таким образом, администрация может возместить ущерб людям, которым был нанесен ущерб в результате действий, совершенных неизвестными или террористическими авторами, когда можно сказать, что государство не выполнило свои обязанности по поддержанию общественного порядка и безопасности или свои обязанности по защите жизни и имущества людей.

С. Уголовное право и судопроизводство

113. Уголовный кодекс Турции квалифицирует это как уголовное преступление.

- незаконно лишить человека свободы (статья 179 в целом, статья 181 в отношении государственных служащих),
- подвергать человека пыткам и жестокому обращению (статьи 243 и 245).

- совершить непреднамеренное убийство (статьи 452-459), умышленное убийство (статья 448) и убийство (статья 450).

114. В отношении всех этих правонарушений в соответствии со статьями 151 и 153 Уголовно-процессуального кодекса жалобы могут подаваться в прокуратуру или в местные административные органы. Прокурор и полиция обязаны расследовать преступления, о которых им сообщают, причем первая принимает решение о возбуждении уголовного дела в соответствии со статьей 148 Уголовно-процессуального кодекса. Заявитель может обжаловать решение прокурора не возбуждать уголовное дело.

115. Как правило, если предполагаемый виновник преступления является государственным должностным лицом или государственным служащим, разрешение на судебное преследование должно быть получено в местных административных советах (Исполнительный комитет провинциальной ассамблеи). Решения местного совета могут быть обжалованы в Высшем административном суде, отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован автоматически. Если офицер является военнослужащим, он подпадает под юрисдикцию военных судов и будет рассмотрен в соответствии с положениями статьи 152 Военного уголовного кодекса.

D. Нормы гражданского права

116. Любое незаконное действие государственных служащих, будь то уголовное преступление или деликт, которое причиняет материальный или моральный ущерб, может быть предметом иска о компенсации в обычных гражданских судах. В соответствии со статьей 41 Гражданского кодекса потерпевший может подать иск о компенсации против предполагаемого преступника, который причинил ущерб незаконным образом, намеренно, по неосторожности или по неосторожности. Материальный ущерб может быть возмещен гражданскими судами в соответствии со статьей 46 Гражданского кодекса, а моральный или моральный ущерб может быть присужден в соответствии со статьей 47.

117. Дело против администрации может быть подано в административный суд, который ведется в письменной форме.

E. Влияние Указа № 285

118. В случае предполагаемых террористических преступлений государственный обвинитель лишается юрисдикции в пользу отдельной системы прокуроров и судов государственной безопасности, созданной на всей территории Турции.

119. Прокурор также лишен юрисдикции в отношении преступлений, вменяемых сотрудникам сил безопасности в регионе чрезвычайного положения. Постановление № 285, пункт 1 статьи 4, предусматривает, что все силы безопасности, находящиеся под командованием губернатора области (см. Пункт 50 выше), должны подчиняться в отношении действий, совершенных при исполнении своих служебных обязанностей, Закону 1914 года о преследовании государственных служащих. Таким образом, любой прокурор, получивший жалобу на преступное деяние со стороны сотрудника сил безопасности, должен принять решение о неподсудности и передать дело в Административный совет. Эти советы состоят из государственных служащих под председательством губернатора. Решение Совета об отказе в возбуждении уголовного дела может быть автоматически обжаловано в Высшем административном суде. Как только решение о возбуждении уголовного дела принято,

ЗАКОН

120. Заявительница жалуется на исчезновение ее сыновей и внука. Суд сначала рассмотрит жалобы, касающиеся двух ее сыновей.

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 2, 3 И 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ДВУХ СЫНОВЕЙ ЗАЯВИТЕЛЯ

A. Оценка доказательств и установление фактов

1. Доводы сторон

(а) Заявитель

121. Заявительница жалуется на безвестное задержание или исчезновение двух ее сыновей, взятых под стражу в деревне Дернек в провинции Диярбакыр. Она просит Суд признать, что за исчезновение двух ее сыновей государство-ответчик несет ответственность в соответствии со статьями 2, 3 и 5 Конвенции и что каждая из этих статей была нарушена.

(б) Правительство

122. Правительство утверждает, что 10 мая 1994 года в Дернеке не проводилась операция. В связи с этим они представляют отчет об операции, подготовленный штабным полковником в сентябре 1997 г., в котором говорится, что, хотя Дернек находился в непосредственной близости от регионов, где в период с 23 апреля по 10 мая 1994 г. проводились определенные операции, Дернек находился за пределами района операции (см. пункт 26 выше). Правительство также ссылается на устные показания Бехчета Йылмаза (мэра деревни) и Шукрю Челика (деревенского жителя из Дернека), которые объяснили в своих показаниях, сделанных жандармами 29 сентября 1995 года, что они не помнят, чтобы операция проводилась 10 мая. 1994 г. (см. Пункты 27 и 28 выше).

123. Правительство также утверждает, что ни одно из лиц, упомянутых в настоящем деле, не было задержано силами безопасности. В этом отношении они ссылаются на протоколы содержания под стражей, которые велись отделом по борьбе с терроризмом Управления безопасности Личе и отделом допросов провинциального штаба жандармерии Диярбакира за период с 1 по 31 апреля 1994 г., в которых не упоминается ни один из заявителей. двое сыновей или другие задержанные, которые утверждают, что видели Тахсина и Али Ихсана Чичека (см. пункт 24 выше).

124. Правительство заключает, что, поскольку не было доказано вне разумных сомнений, что сыновья заявителя были задержаны силами безопасности, эти исчезновения не могут повлечь за собой их ответственность.

2. Оценка Суда**(а) Операция в Дернеке 10 мая 1994 г. и предполагаемое заключение под стражу сыновей заявителя Тахсина и Али Ихсана Чичека.**

125. Суд отмечает, что утверждение заявителя о том, что силы безопасности провели военную операцию в селе Дернек 10 мая 1994 г., в ходе которой были задержаны некоторые жители села, является предметом спора между сторонами. Следовательно, Суд теперь должен установить и проверить эти предполагаемые факты, оценив вес и силу доказательств, собранных Комиссией.

126. Суд отмечает, прежде всего, что военные власти признали, что 10 мая 1994 г. в окрестностях Дернека проводилась крупномасштабная военная операция (см. Пункт 26 выше). Этот вывод также согласуется с показаниями жителей села перед делегатами Комиссии, где они заявили, что в день операции большая группа солдат из разных

воинских частей прибыла в село для участия в операции (см. Параграфы 53 и 79). выше).

127. Суд внимательно изучил показания заявительницы, ее дочери и трех жителей деревни, взятые представителями Комиссии, и сравнил их с показаниями прокурора и Ассоциации по правам человека Диярбакира (см., Например, пункт 35 выше, заявление заявительницы. в Диярбакыр НРА и параграф 42-43, ее заявление перед делегатами Комиссии; параграфы 52 и 53, заявление Фериде Чичек перед делегатами Комиссии; параграф 29, заявление Демира перед прокурором и параграф 100-103, заявление Демира перед делегатами Комиссии ; параграф 30, заявление Озинекчи перед прокурором и параграф 89-97, заявление Озинекчи перед делегатами Комиссии; параграф 31, заявление Фидантека перед прокурором и параграфы 79-84, Заявление Фидантека перед делегатами Комиссии). В результате Суд считает, что все вышеупомянутые утверждения согласуются друг с другом почти во всех деталях в отношении операции, проведенной в Дернеке 10 мая 1994 г., и последующего ареста сыновей заявителя, Тахсина и Али Ихсана Чичеков. Таким образом, Суд удовлетворен тем, что жители деревни, которые давали показания делегатам Комиссии, дали правдивую и, по существу, точную информацию об инциденте 10 мая 1994 года.

128. С другой стороны, Суд не может принимать показания официальных лиц, выступающих перед делегатами Комиссии. Эти свидетели согласились с тем, что в окрестностях Дернека проводилась операция, но утверждали, что силы безопасности не входили в село. Однако ни один из этих свидетелей не смог точно определить, где на самом деле проводилась операция или какие деревни пострадали. Они также не смогли предоставить никаких объяснений относительно того, кто вошел в деревню в тот день (см. Параграфы 60-66 выше для заявления Хасана Чакира, параграфы 67-74 для показания Шахап Ярала и параграфы 75-77 для заявление Мустафы Кучука). Более того, делегатам не было предоставлено никаких одновременных отчетов, показывающих характер проведенных операций или задействованных подразделений; особенно, нет информации о том, были ли задействованы подразделения из Болу, как утверждает заявительница. Единственная полученная запись - это операционная запись, датированная сентябрем 1997 года - через три с половиной года после рассматриваемых событий.

129. Кроме того, утверждения жителей села Йылмаз (см. Параграф 27) и Челика (см. Параграф 28) не позволяют сделать вывод о том, проводилась ли какая-либо операция, и в любом случае являются стереотипными и почти идентично рассказывают об одной и той же истории. Поэтому Суд должен относиться к этим заявлениям с осторожностью и не придавать им особого значения.

130. Таким образом, свидетели властей Российской Федерации не предоставили информацию о том, какие воинские части размещались в районной школе-интернате в то время или что происходило в селе Дернек в соответствующее время.

131. В свете вышеизложенного Суд принимает следующую версию в качестве истинных фактов операции, проведенной в деревне Дернек 10 мая 1994 г., в результате которой были задержаны шесть жителей деревни, в том числе два сына заявителя Тахсин и Али Ихсан Чичек. .

132. 10 мая 1994 г. солдаты пришли в село Дернек и приказали жителям села собраться у мечети (см. Параграфы 43 и 80). Затем они провели проверку личности. Разлучив Рамазана Акьола, Февзи Фидантека, Мехмета Озинекчи, Мехмета Демира и Али Ихсана Чичека (сына заявительницы), солдаты отправили остальных жителей деревни по домам. Тахсин Чичек (второй сын заявительницы) был первоначально освобожден вместе с остальными жителями; однако сразу же после этого ему было приказано присоединиться к пятерым задержанным (см. пункты 43, 80, 90, 100). Солдаты отвезли этих шестерых жителей в школу-интернат Личе пешком (см. Пункты 44, 81, 90, 100).

(b) Содержание под стражей Тахсина и Али Ихсана Чичеков в региональной школе-интернате.

133. Власти отрицают, что Тахсин и Али Ихсан Чичек были задержаны силами безопасности. Действительно, существует противоречие между доказательствами относительно того, могут ли люди когда-либо содержаться в региональной школе-интернате. Было принято, что при школе время от времени базировались группы посетителей. Свидетель Чакир согласился с тем, что лица, взятые под стражу, могут быть сначала доставлены в школу (см. Пункт 65 выше). Ярали, однако, оспорил это (см. Пункт 73).

134. Правительство также ссылается на тот факт, что ни их имена, ни имена других задержанных, которые утверждают, что видели их под стражей, не фигурируют в протоколах содержания под стражей.

135. Таким образом, Суд должен в первую очередь рассмотреть, можно ли рассматривать эти записи как неопровержимые доказательства того, что Тахсин и Али Ихсан Чичек не содержались под стражей в региональной школе-интернате Личе. Суд отмечает из показаний офицеров жандармерии, что воинские части, которые время от времени приезжали в Личе, размещались в региональной школе-интернате на срок от десяти до пятнадцати дней. Эти подразделения участвовали в операциях с жандармами (см. Пункт 60 выше). В областной школе-интернате нет следственных изоляторов; однако, если армейское подразделение, базирующееся в школе-интернате, принимало участие в операции с жандармами, можно было держать

задержанных в региональной школе-интернате до передачи их жандармам (см. пункт 65 выше).

136. Суд также отмечает, что в соответствии с практикой жандармов Личе существовала разница между помещением людей для допроса или наблюдения и помещением их в камеру содержания под стражей. В то время как ведутся бухгалтерские книги для заключенных, имена лиц, взятых для наблюдения или допроса, не всегда регистрируются в журналах. Жандармы могли держать подозреваемого под наблюдением, например, в кафетерии, пока их подозрения не развеялись. Такое лицо не будет помещено в камеру содержания под стражей и не будет упомянуто в журнале учета содержания под стражей. Это было объяснено как взятие кого-либо «для наблюдения», а не как заключение под стражу (см. Пункт 73 выше).

137. Суд напоминает о ранее сделанных выводах Комиссии и Суда относительно неадекватности и ненадежности записей о содержании под стражей (см. *Akıcı v. Turkey* [GC], № 23657/94, § 105, ECHR 1999-IV; Решение *Aydın v. Turkey* от 25). Сентябрь 1997 г., Reports 1997-VI, Opinion of the Commission, p. 1941, §172), что такие записи, как правило, не могут служить доказательством того, что лицо не было заключено под стражу. В частности, ранее Суд установил, что Чакичи содержался под стражей в районной жандармерии Личе, но его имя не было внесено в протокол (см. Цитируемое выше решение по делу Чакичи против Турции, § 107). Дальнейшие сомнения в точности записей вызывают показания свидетеля Ярала, который, столкнувшись с фактами по делу Чакичи, признал, что не все, содержащиеся в жандармерии, будут внесены в протоколы содержания под стражей.

138. С учетом вышеизложенного Суд считает, что даже если имена сыновей заявителя не фигурируют в журналах регистрации, это не доказывает, что они не были задержаны жандармами.

139. С другой стороны, Суд отмечает, что показания трех жителей села, которые предположительно содержались в одном заключении с сыновьями заявителя, были хорошо сбалансированными, подробными и согласованными друг с другом. В свете объяснений жандармов относительно журналов учета, установления Судом фактов в отношении ареста сыновей заявителя в Дернеке во время операции и достоверных показаний трех жителей села, которые находились под стражей вместе с сыновьями заявителя, Суд Убежден, что события, связанные с сельчанами с делегатами Комиссии, отражают истинные факты содержания под стражей в областной школе-интернате.

140. Соответственно, Суд принимает следующую версию как истинные факты периода содержания под стражей Тахсина и Али Ихсана Чичеков в региональной школе-интернате.

141. После проверки документов в Дернеке шестеро жителей деревни (Тахсин Чичек, Али Ихсан Чичек, Февзи Фидантек, Мехмет Озинекчи,

Мехмет Демир и Рамазан Акьол) были доставлены пешком в региональную школу-интернат. Джихат, сын мэра села, также пошел с задержанными, чтобы перевыпустить его утерянное удостоверение личности (см. Параграфы 87 и 105 выше). Однако внутрь интерната его не взяли. По прибытии в школу задержанным завязали глаза (см. Параграфы 81, 90, 101 выше). Их держали в подвале дома, где были туалеты и хаммам. Их руки не были связаны. Их всех вместе держали в одной комнате. Мебели не было, и они сели на пол. Задержанным дали хлеб, печенье и воду (см. Параграфы 82 и 91 выше). Али Ихсан и Тахсин сидели рядом с Февзи Фидантек (см. Параграф 82). Во время задержания Мехмет Озинекчи дал Али Ихсану немного денег, прося его попросить солдат купить печенье (см. Параграф 91). Никто из задержанных не подвергался жестокому обращению (см. Пункты 83, 93, 103). В пятницу задержанные услышали мужской голос: «Тахсин и Али Ихсан Чичек, возьмите свои удостоверения личности, вы свободны». Следовательно, двух братьев вывели из комнаты (см. Параграфы 84, 93). Через несколько минут подошел солдат и забрал пальто Али Ихсана, на котором сидел Мехмет Озинекчи (см. Пункт 93). Через день после освобождения двух братьев остальных задержанных отвезли в полк на границе Личе и отпустили там. Их удостоверения личности были возвращены им через неделю в жандармерии Личе (см. Пункты 84, 93, 103). Когда трое жителей села вернулись домой, они были удивлены, узнав, что Тахсин и Али Ихсан Чичек не вернулись в село (см. Параграфы 85, 94, 103).

142. Принимая во внимание обстоятельства дела и отсутствие записей о заключении под стражу, Суд не принимает как факт, что сыновья заявителя были освобождены на второй день содержания под стражей.

В. Соблюдение статьи 2

1. Следует ли считать Тахсина и Али Чичека мертвыми

143. Заявительница утверждает, что исчезновение ее сыновей произошло в обстановке, угрожающей жизни, поскольку после ареста во время военной операции их в последний раз видели в руках солдат. Она утверждает, что государство несет ответственность за судьбу ее сыновей, поскольку правительство не предоставило убедительных объяснений их исчезновения. Соответственно, имеет место нарушение статьи 2 Конвенции, которая гласит:

«1. Право каждого на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни, кроме как во исполнение приговора суда, признанного виновным в преступлении, за которое это наказание предусмотрено законом.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, если оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(а) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;

(с) в действиях, законно предпринятых с целью подавления бунта или восстания ».

144. Правительство утверждает, что заявительница не обосновала свои утверждения о том, что ее сыновья были задержаны силами безопасности. Соответственно, они утверждают, что никаких вопросов по статье 2 Конвенции возникнуть не может.

145. В деле Тимурташ против Турции (решение от 13 июня 2000 г., № 23531/94, §§ 82-83) Суд заявил следующее:

(...) если лицо заключено под стражу в добром здравии, но обнаружено, что он получил травмы во время освобождения, государство обязано предоставить правдоподобное объяснение того, как эти травмы были причинены, в противном случае возникает проблема в соответствии со статьей 3 Конвенции (...). В том же духе статья 5 налагает на государство обязанность отчитываться о местонахождении любого лица, взятого под стражу и, таким образом, поставленного под контроль властей (...). Может ли отказ властей предоставить правдоподобное объяснение судьбы задержанного в отсутствие тела также поднять вопросы по статье 2 Конвенции, будет зависеть от всех обстоятельств дела, и в частности о наличии достаточных косвенных доказательств, основанных на конкретных элементах,

В этом отношении период времени, прошедший с момента помещения лица под стражу, хотя и не является решающим сам по себе, является важным фактором, который следует принимать во внимание. Следует признать, что чем больше времени проходит без каких-либо новостей о задержанном, тем больше вероятность того, что он или она умер. Таким образом, течение времени может в некоторой степени повлиять на значение, которое следует придавать другим элементам косвенных доказательств, прежде чем можно будет сделать вывод о том, что соответствующее лицо должно считаться умершим. В этом отношении Суд считает, что данная ситуация порождает вопросы, выходящие за рамки простого незаконного задержания в нарушение статьи 5. Такое толкование соответствует эффективной защите права на жизнь, предусмотренной статьей 2, которая квалифицируется как одно из самых фундаментальных положений Конвенции (...) ».

146. Суд считает, что существует ряд элементов, отличающих настоящее дело от других дел, таких как Курт против Турции (решение от 25 мая 1998 г., Reports 1998-III, p. 1182, § 108), в котором Суд постановил, что не было достаточных убедительных указаний на то, что сын заявителя умер во время содержания под стражей. Во-первых, прошло шесть с половиной лет с тех пор, как Тахсин и Али Ихсан Чичек были задержаны и задержаны. Кроме того, было установлено, что два

брата были доставлены в место содержания под стражей - военный район в региональной школе-интернате Личе - властями, за которые несет ответственность государство. Наконец, тот факт, что солдаты не освободили Тахсина и Али Ихсана Чичека вместе с другими жителями деревни в течение нескольких дней, вместе с другими элементами в досье, предполагает, что оба были идентифицированы властями как подозреваемые (см. параграф 78 выше, особенно заявление Ярали о том, что, если люди считались явно опасными или требовали допроса, их передавали в группы для допросов в конце короткого периода, называемого « период наблюдения »). В общем контексте ситуации на юго-востоке Турции в 1994 году, ни в коем случае нельзя исключать, что непризнанное задержание такого человека было бы опасным для жизни (см. Цитируемое выше решение по делу *Timurtaş v. Turkey*, § 85). Следует напомнить, что в более ранних постановлениях Суд постановил, что недостатки, подрывающие эффективность уголовно-правовой защиты на юго-востоке страны в период, имеющий отношение также к этому делу,

147. По указанным выше причинам и с учетом того, что не было обнаружено никакой информации о местонахождении сыновей заявителя в течение шести с половиной лет, Суд считает, что Тахсин и Али Ихсан Чичек должны считаться умершими в результате непризнанного задержания силами безопасности. Следовательно, ответственность за их смерть возлагается на государство-ответчик. Отмечая, что власти не предоставили никаких объяснений относительно того, что произошло после задержания Тахсина и Али Ихсана, и что они не ссылаются на какое-либо оправдание в отношении любого применения смертоносной силы их агентами, из этого следует, что ответственность за их смерть приписывается правительству-ответчику (см. упоминавшееся выше дело *Тимуртас против Турции*, § 86). Соответственно, в этом отношении имело место нарушение статьи 2.

2. Предполагаемая неадекватность расследования

148. Суд повторяет, что обязательство защищать жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции в совокупности с общей обязанностью государства по статье 1 Конвенции «обеспечивать каждому, находящемуся под [своей] юрисдикцией, права и свободы, определенные в [Конвенции] », подразумевает, что должна существовать какая-то форма эффективного официального расследования, когда люди были убиты в результате применения силы (см. *Timurtaş v. Turkey*, loc. cit., § 87, и с соответствующими изменениями, *McCann и другие против Соединенного Королевства* от 27 сентября 1995 г., Series A, № 324, p. 49, § 161, и решение по делу *Кауа v. Turkey* от 19 февраля 1998 г., Reports 1998-I, § 105).

149. Суд отмечает, сколько времени потребовалось до начала официального расследования и получения показаний свидетелей, а также того, как соответствующая информация игнорировалась следственными органами. Суд отмечает, что только через полтора года после задержания сыновей заявителей жандармы Личе впервые навели справки. Кроме того, через три с половиной года после инцидента прокурор Личе заслушал показания сокамерников Тахсина и Али Ихсана. С другой стороны, не оспаривается, что заявительница уведомила жандармерию Личе и прокуратуру Диярбакырского суда государственной безопасности о том, что ее сыновья не были освобождены вместе с другими жителями села, арестованными одновременно. Кроме того, нет никаких доказательств того, что прокуроры сами пытались проверить достоверность информации, содержащейся в журналах учета задержанных, или о местах содержания под стражей (региональная школа-интернат Личе); ни жандармов Личе, ни других солдат не требовали без всякого настойчивого требования отчитаться за свои действия 10 мая 1994 г.

150. В свете вышеизложенного Суд считает, что расследование исчезновения сыновей заявителя было неадекватным и, следовательно, нарушало процессуальные обязательства государства по защите права на жизнь. Соответственно, в этом отношении также имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

С. Соблюдение статьи 3 в отношении сыновей заявителя

151. Заявительница также утверждает, что ее сыновья стали жертвами нарушения государством-ответчиком статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

152. Ссылаясь, *mutatis mutandis*, на аргументы, использованные в поддержку ее жалоб по статье 2, заявительница утверждает, что государство-ответчик нарушает статью 3 Конвенции, поскольку сам факт исчезновения ее сыновей в контексте, лишенном самых основных судебных гарантии должны были подвергнуть их острым психологическим пыткам. Кроме того, ей сказали, что ее сыновья подверглись жестокому обращению в областной школе-интернате. Заявитель утверждает, что эту презумпцию следует считать еще более убедительной, учитывая наличие большого количества случаев пыток задержанных в государстве-ответчике. Ссылаясь на материалы, на которые она ссылалась в обоснование своих утверждений о практике нарушения статьи 2, она просит Суд сделать вывод, что ее сыновья стали жертвами серьезного нарушения статьи 3 в связи с

существованием официально допустимой практики исчезновений и жестокого обращения с задержанными. Она далее утверждает, что неспособность властей предоставить какое-либо удовлетворительное объяснение исчезновения ее сыновей также является нарушением статьи 3, и что отсутствие какого-либо надлежащего расследования ее жалобы приводит к отдельному нарушению этого положения.

153. Правительство отрицает фактическую основу утверждений заявителя по статье 3.

154. Принимая во внимание строгие стандарты, применяемые при толковании статьи 3 Конвенции, согласно которым жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие этого положения, и практику органов Конвенции, которая требует соблюдения стандарта доказывая «вне разумных сомнений», что жестокое обращение такой жестокости имело место, Суд не убежден в том, что исчезновение сыновей заявителя в обстоятельствах настоящего дела можно отнести к категории с точки зрения этого положения (см. раздел «Ирландия против Соединенных Штатов»). Королевство от 18 января 1978 г., Series A, № 25, стр. 65, §§ 161-62, решение по делу Курт против Турции, упомянутое выше, отчет Комиссии, стр. 1216, § 195).

155. В тех случаях, когда явное насильственное исчезновение характеризуется полным отсутствием информации, вопрос о том, жив ли человек или мертв, или обращение, которому он или она, возможно, подвергся, может быть только предположением. В этом отношении Суд прежде всего напоминает об установлении фактов, согласно которым после задержания 10 мая 1994 г. задержанные не подвергались жестокому обращению в региональной школе-интернате (см. Пункт 141 выше). Более того, заявительница не представила никаких конкретных доказательств того, что ее сыновья действительно стали жертвами жестокого обращения в нарушение статьи 3; также нельзя считать обоснованным утверждение о том, что ее сыновья стали жертвами официально разрешенной практики исчезновений и связанного с этим жестокого обращения с задержанными.

156. Суд напоминает, что острая озабоченность, которая должна возникнуть в связи с обращением с лицами, которые, по всей видимости, содержатся без официальных документов и исключены из необходимых судебных гарантий, является дополнительным и отягчающим аспектом вопросов, возникающих в связи со статьей 5 (см. Цитируемое выше *Kurt v. Turkey*, p. 1183, § 115).

157. Соответственно, Суд считает, что нет доказательной базы, которая позволила бы ему прийти к выводу о применимых стандартах доказывания, что Тахсин Чичек и Али Ихсан Чичек подверглись жестокому обращению в нарушение статьи 3.

158. Таким образом, Суд заключает, что не было нарушения статьи 3 Конвенции в отношении Тахсина Чичека и Али Ихсана Чичека.

D. Соблюдение статьи 5

159. Заявительница утверждает, что исчезновение двух ее сыновей повлекло за собой множественные нарушения статьи 5 Конвенции, которая, в соответствующей степени, гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(a) законное задержание лица после осуждения компетентным судом;

(b) законный арест или задержание лица за невыполнение законного постановления суда или с целью обеспечить выполнение любого обязательства, предписанного законом;

(c) законный арест или задержание лица, произведенное с целью доставки его к компетентному юридическому органу по обоснованному подозрению в совершении преступления или когда это разумно считается необходимым для предотвращения его совершения преступления или бегства после совершения этого преступления. ;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение.

3. Каждый арестованный или задержанный в соответствии с положениями пункта 1 (c) настоящей статьи должен быть незамедлительно доставлен к судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. в ожидании судебного разбирательства. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или задержания, имеет право на судебное разбирательство, в ходе которого суд незамедлительно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание является незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или задержания в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию, имеющую исковую силу ».

160. Заявительница утверждает, что сам факт непризнания задержания двух ее сыновей означал, что они были лишены свободы произвольным образом в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции. Она утверждает, что официальное сокрытие их местонахождения и судьбы поставило ее сыновей вне досягаемости закона, и, соответственно, им

было отказано в защите гарантий, содержащихся в пунктах 2, 3, 4 и 5 статьи 5.

161. Правительство повторяет, что утверждения заявительницы относительно исчезновения ее сыновей необоснованны. По их мнению, никаких вопросов по статье 5 возникнуть не может.

162. Суд указал в своем решении по делу Курт против Турции от 25 мая 1998 г. следующее (стр. 1184-85, § 122; см. Также упомянутое выше дело Чакичи против Турции, § 104 и дело Тимурташ против Турции, упомянутое выше, § 103):

«... фундаментальная важность гарантий, содержащихся в статье 5, для обеспечения права отдельных лиц в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию властями. Именно по этой причине Суд неоднократно подчеркивал в своем деле -закон, согласно которому любое лишение свободы должно быть не только осуществлено в соответствии с материально-правовыми и процессуальными нормами национального законодательства, но также должно соответствовать самой цели статьи 5, а именно защите человека от произвола (...). Это требование защиты личности от любого злоупотребления властью иллюстрируется тем фактом, что статья 5 § 1 ограничивает обстоятельства, при которых люди могут быть законно лишены свободы,

163. Суд также подчеркнул в вышеупомянутом решении по делу Курт против Турции (стр. 1185, § 123) следующее:

«... что авторы Конвенции усилили защиту лица от произвольного лишения его свободы, гарантируя совокупность основных прав, которые призваны минимизировать риски произвола, позволяя подчиняться акту лишения свободы независимый судебный надзор и обеспечение ответственности властей за этот акт. Требования пунктов 3 и 4 статьи 5 с их акцентом на оперативность и судебный контроль приобретают особое значение в этом контексте. Незамедлительное судебное вмешательство может привести к обнаружению и предотвращению опасных для жизни мер или серьезного жестокого обращения, которые нарушают основные гарантии, содержащиеся в статьях 2 и 3 Конвенции (...).

164. Суд подчеркивает в этом отношении, что непризнанное задержание лица является полным отрицанием этих гарантий и наиболее серьезным нарушением статьи 5. Взяв на себя контроль над этим человеком, власти обязаны отчитаться о его или ее местонахождении. По этой причине статью 5 следует рассматривать как требующую от властей принятия эффективных мер для защиты от риска исчезновения и проведения незамедлительного эффективного расследования обоснованного утверждения о том, что лицо было заключено под стражу и с тех пор его не видели (см. процитированное выше решение по делу Тимурташ против Турции, § 103).

165. На этом фоне Суд напоминает, что он установил, что Тахсин и Али Ихсан Чичек были задержаны силами безопасности 10 мая 1994 г. во время операции в селе Дернек (см. Пункт 132 выше). Впоследствии их перевели в школу-интернат Личе, где они пробыли не менее двух

дней. Их содержание под стражей в то время не регистрировалось, и нет никаких официальных данных об их последующем местонахождении или судьбе (см. Пункты 141 и 142 выше). Этот факт сам по себе следует рассматривать как наиболее серьезный недостаток, поскольку он позволяет лицам, ответственным за акт лишения свободы, скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и избежать ответственности за судьбу задержанного. По мнению Суда, отсутствие данных, фиксирующих такие вопросы, как дата, время и место задержания,

166. Более того, из заявлений жандармов, сделанных перед делегатами Комиссии, следует, что жандармы установили практику, согласно которой существует разница между задержанием подозреваемых лиц и их заключением под стражу. Период между этими двумя действиями называется «периодом наблюдения» и может быть продлен до 24 часов. В этот период могут быть допрошены задержанные. Содержание под стражей в этот период не регистрировалось (см. Пункт 73 выше). Однако Суд отмечает, что такой «неофициальный» срок содержания под стражей не допускается национальным законодательством.

167. Кроме того, Суд считает, что, принимая во внимание утверждения заявительницы и ее дочери (Фериде Чичек) о том, что Тахсин и Али Ихсан Чичек были задержаны в селе, прокурор должен был осознавать необходимость более тщательного расследования ее жалобы. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом он имел на это полномочия (см. Пункт 114 выше). Прокурор опросил трех очевидцев (со-задержанных Тахсина и Али Ихсана), которые в целом подтвердили утверждения заявителя. Однако это расследование так и не было продолжено, и ни у кого из солдат не было взято никаких показаний.

168. Принимая во внимание эти соображения, Суд приходит к выводу, что власти не представили каких-либо достоверных и обоснованных объяснений местонахождения и судьбы двух сыновей заявителя после того, как они были задержаны в селе и в районной школе-интернате, и что никакого значимого расследования не проводилось. Допущено к неоднократным утверждениям заявительницы о том, что они содержатся под стражей и что она беспокоится за их жизнь. Они не выполнили свои обязательства по привлечению к ответственности за них, и следует признать, что они содержались под стражей без уведомления при полном отсутствии гарантий, содержащихся в статье 5.

169. Суд, соответственно, считает, что имело место нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, гарантированного статьей 5.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ СЕБЯ ЗАЯВИТЕЛЯ

170. Заявительница жалуется, что исчезновение двух ее сыновей от рук сотрудников сил безопасности представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, противоречащее статье 3 Конвенции по отношению к ней самой. Соответственно, она просит Суд признать, что перенесенные ею страдания влекут за собой ответственность государства-ответчика в соответствии со статьей 3 Конвенции.

171. Правительство утверждает, что не было достоверных доказательств, подтверждающих мнение заявительницы о том, что ее сыновья были задержаны силами безопасности. Они утверждают, что не было причинно-следственной связи между предполагаемым нарушением прав ее сыновей по Конвенции и ее страданиями и страданиями.

172. Суд повторяет, что жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие статьи 3 (см., Среди прочего, решение по делу Круз Варас и другие против Швеции от 20 марта 1991 г. Серия А, т. 201, р. 31, § 83). Кроме того, Суд постановил, что причиненные страдания должны достичь определенного уровня, чтобы обращение можно было считать бесчеловечным. Оценка этого минимума является относительной и зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность лечения и его физические или психические последствия (см. Указанное выше решение по делу Ирландия против Соединенного Королевства, стр. 65, § 162).

173. Он напоминает в этом отношении, что заявительница и ее дочь подали несколько заявлений прокурору и командиру жандармерии после исчезновения ее сыновей, твердо убежденные в том, что они содержались под стражей в региональной школе-интернате Личе. Однако прокурор и командир жандармерии серьезно не рассмотрели ее жалобу. Суд отмечает, что заявительница не знала о своих сыновьях почти шесть лет. Она жила в страхе, что ее сыновья мертвы, пыталась предстать перед прокурором и просила власти выдать хотя бы их тела. Неуверенность, сомнения и опасения, которые испытывала заявительница в течение длительного и продолжающегося периода времени, несомненно, вызвали у нее серьезные душевные страдания и страдания.

174. Принимая во внимание обстоятельства, описанные выше, а также тот факт, что заявительница является матерью жертв серьезных нарушений прав человека и сама является жертвой самоуспокоенности властей перед лицом ее страданий и страданий, Суд считает, что ответчик Государство нарушает статью 3 в отношении заявителя.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

175. Заявительница утверждает, что неспособность национальных властей провести эффективное расследование исчезновения ее сыновей является нарушением статьи 13 Конвенции. Заявительница также утверждает, что ее опыт является типичным примером практики неэффективных средств правовой защиты в Юго-Восточной Турции.

176. Правительство утверждает, что и Главное командование жандармерии, и прокурор Личе начали полномасштабное расследование на основании утверждений заявителя.

Статья 13 гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, изложенные в [Конвенции], нарушены, должен иметь эффективное средство правовой защиты в национальном органе, даже если нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

177. Суд напоминает, что статья 13 гарантирует доступность на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, закрепленных в Конвенции, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Таким образом, действие статьи 13 заключается в том, чтобы требовать предоставления внутренних средств правовой защиты для рассмотрения существа соответствующей жалобы по Конвенции и предоставления соответствующей судебной защиты, хотя Договаривающимся государствам предоставляется определенная свобода действий в отношении того, каким образом они соблюдают свои обязательства по Конвенции, в соответствии с этим положением. Объем обязательств по статье 13 варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией. Тем не менее, средство правовой защиты, требуемое статьей 13, должно быть «эффективным» как на практике, так и по закону.

178. В настоящем деле заявительница жалуется, что ей отказали в «эффективном» средстве правовой защиты, которое пролило бы свет на местонахождение ее сыновей. По мнению Суда, если родственники лица имеют аргументированное заявление о том, что последнее исчезло от рук властей, понятие эффективного средства правовой защиты для целей статьи 13 влечет, помимо выплаты компенсации: при необходимости, тщательное и эффективное расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных, включая эффективный доступ родственников к процедуре расследования (см., с соответствующими изменениями, вышеупомянутые постановления по делу Аксоя, Айдына и Кая на стр. 2287)., § 98, стр. 1895–96, § 103 и стр. 329–31, §§ 106 и 107, соответственно). В этих условиях

179. По причинам, указанным ранее (см. Пункт 168 выше), можно считать, что г-жа Чичек подала аргументированную жалобу на то, что ее сыновья были взяты под стражу. Эта жалоба никогда не была

предметом серьезного расследования. Прокурор не взял у заявительницы письменных показаний в ответ на ее жалобу, и никаких запросов к солдатам, предположительно участвовавшим в операции, проведенной в селе Дернек 10 мая 1994 г., не проводилось.

180. Согласно турецкому законодательству, прокурор был обязан проводить расследование утверждений о незаконном лишении свободы (см. Параграф 114 выше). Поверхностный подход, который он проявил к утверждениям заявительницы о том, что ее сыновей не видели с момента заключения под стражу, не может считаться совместимым с этой обязанностью и равносителен подрыву эффективности любых других средств правовой защиты, которые могли существовать.

181. Соответственно, ввиду отсутствия какого-либо значимого расследования Суд считает, что заявительнице было отказано в эффективном средстве правовой защиты в отношении ее жалобы на исчезновение ее сыновей при обстоятельствах, влекущих за собой ответственность властей. Следовательно, имело место нарушение статьи 13.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 2, 3, 5 И 13 КОНВЕНЦИИ СОВМЕСТНО СО СТАТЬЕЙ 14 КОНВЕНЦИИ

1. Статья 14 в совокупности со статьями 2, 3 и 5 Конвенции.

182. Заявительница утверждает, что из-за ее курдского происхождения различные предполагаемые нарушения ее прав по Конвенции были дискриминационными в нарушение статьи 14 Конвенции, которая гласит:

«Осуществление прав и свобод, изложенных в [Конвенции], должно обеспечиваться без дискриминации по любому признаку, например, по полу, расе, цвету кожи, языку, религии, политическим или другим убеждениям, национальному или социальному происхождению, принадлежности к национальному меньшинству, имуществу, рождению или другой статус».

183. Правительство не отреагировало на эти утверждения, кроме отрицания фактической основы существенных жалоб.

184. Суд отмечает, что заявительница не представила никаких доказательств в обоснование своих утверждений о том, что ее сыновья были преднамеренными объектами насильственного исчезновения по причине их этнического происхождения. Соответственно, нарушения Конвенции в этом отношении не было.

2. Статья 14 в совокупности со статьей 13 Конвенции.

185. Заявительница также ссылается на статью 14 Конвенции в сочетании со статьей 13 Конвенции в том смысле, что ей было отказано в эффективном доступе к судебному процессу из-за неспособности турецких властей принять надлежащие меры для использования курдского языка в жандармах и прокуратуре, и другие должностные лица, выполняющие судебные функции. Она утверждает, что была лишена возможности подать жалобу или подать жалобу.

186. Правительство напоминает, что в соответствии с разделом 3 Конституции языком турецкого государства является турецкий. Они также утверждают, что судебные органы должны пользоваться услугами переводчика, если обвиняемый или заявитель не говорит на турецком языке.

187. Суд отмечает, в первую очередь, что турецкое законодательство предоставляет услуги переводчика лицам, не владеющим турецким языком. Более того, заявительница никогда не утверждала в Суде, что она просила помощи переводчика и что эта просьба была отклонена турецкими властями. Хотя очевидно, что заявительница не говорит по-турецки, ее дочери Фериде Чичек, подавшей петиции в прокуратуру Диярбакыра, помогал адвокат Диярбакырской ассоциации по правам человека при составлении этих петиций.

188. В свете вышеизложенного Суд считает утверждения заявителя необоснованными. Соответственно, нарушение Конвенции по данной жалобе не имело места.

IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

189. Заявитель жалуется, что исчезновение лица, находящегося под стражей, обязательно включает сокрытие, поскольку отрицание содержания под стражей или продолжающегося содержания под стражей является частью определения исчезновения. Она также утверждает, что такое сокрытие несовместимо с требованием добросовестности, подразумеваемым статьей 18, которая гласит:

«Ограничения, разрешенные Конвенцией в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться ни для каких целей, кроме тех, для которых они были установлены».

190. В поддержку своего утверждения заявительница утверждает, что отрицание силами безопасности того, что кто-либо содержался в региональной школе-интернате Личе, когда всем было известно, что она использовалась в качестве центра содержания под стражей, является свидетельством коллективной попытки со стороны те силы, чтобы скрыть то, что там произошло.

191. Правительство не отреагировало на эти утверждения, кроме отрицания фактической основы существенных жалоб.

192. В свете вывода о том, что сыновья заявителя содержались под непризнанным содержанием под стражей и что имело место нарушение их права на свободу и безопасность, Суд считает ненужным рассматривать эту жалобу отдельно, поскольку утверждения заявителя, по существу, были рассмотрены в соответствии с Статьи 2 и 3.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ВНУШКИ ЗАЯВИТЕЛЯ

193. Заявительница утверждает, что ее внук Чайан Чичек, которому на момент событий было 16 лет, был задержан силами безопасности примерно через месяц после задержания Тахсина и Али Ихсана Чичека. Заявитель утверждает, что в день исчезновения ее внука она уехала в Личе с матерью Чайана. Когда они вернулись в деревню ночью, один из жителей деревни сообщил им, что Чайан был арестован вместе с двумя другими женщинами.

194. Суд отмечает, что доказательства относительно исчезновения ее внука противоречивы. Перед Диярбакырским НРА и делегатами Комиссии заявитель утверждал, что Чайан был задержан силами безопасности в саду их дома, в то время как, по словам дочери заявителя Фериде, которая находилась в деревне во время событий, Чайан имел был задержан в поле на окраине села.

195. Суд также отмечает, что заявительница не могла назвать имена свидетелей, которые рассказали ей об аресте Чайана, или доставить их к представителям Комиссии для дачи устных показаний. Более того, нет никаких доказательств того, что в день предполагаемого ареста Чайана проводилась операция. Остальные свидетели, давшие устные показания, не имеют информации об исчезновении Чайана.

196. В этих обстоятельствах Суд отмечает, что нет никаких доказательств, подтверждающих предполагаемое задержание Чайана силами безопасности. Заявительница не представила достаточных доказательств, чтобы установить, что случилось или могло произойти с ее внуком Чайаном. Соответственно, нарушение Конвенции по данной жалобе не имело места.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

197. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право соответствующей Высокой Договаривающейся Стороны допускает только частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшая сторона ».

А. Материальный ущерб

198. Заявительница потребовала компенсацию материального ущерба в размере 109 795,02 фунтов стерлингов (GBP) за потерю дохода в отношении двух ее сыновей, Али Ихсана Чичека и Тахсина Чичека, которые исчезли при обстоятельствах, влекущих за собой ответственность властей Российской Федерации. Она рассчитала эту сумму на основе заработной платы двух братьев по их специальностям.

199. Правительство утверждало, что нарушения, подлежащего компенсации, не было, и любая справедливая компенсация не должна превышать разумных пределов или вести к неосновательному обогащению.

200. Суд напоминает, что должна существовать причинная связь между ущербом, заявленным заявителем, и нарушением Конвенции, и что в соответствующем случае это может включать компенсацию потери заработка (см., Среди прочего, *the Barberà, Messegué* и решение по делу *Джабардо против Испании* от 13 июня 1994 г. (статья 50), Series A, № 285-C, pp. 57-58, §§ 16-20; упомянутое выше решение по делу *Чакичи против Турции*, § 127). Суд установил (пункты 147 и 164–168 выше), что можно считать установленным, что Тахсин Чичек и Али Ихсан Чичек исчезли после непризнанного задержания и что государство несет ответственность в соответствии со статьями 2 и 5 Конвенции. В этих обстоятельствах

201. В свете вышеизложенного Суд, принимая решение на справедливой основе, присуждает сумму в размере 5000 фунтов стерлингов каждому из сыновей заявительницы, и эта сумма должна быть выплачена и удержана заявителем для наследников ее сыновей. Соответственно, Суд отклоняет остальные требования заявителя о компенсации материального ущерба.

Б. Моральный вред

202. Заявитель утверждала, что и она, и ее сыновья стали жертвами конкретных нарушений Конвенции. Она просила Суд присудить 40 000 фунтов стерлингов за каждого из ее сыновей в связи с их исчезновением, которые заявитель будет удерживать в пользу их наследников. Заявительница также потребовала 10 000 фунтов стерлингов в качестве компенсации морального вреда. Она также потребовала 1000 фунтов стерлингов в месяц в качестве моральной компенсации за продолжающееся нарушение Конвенции, пока государство-ответчик не проинформирует ее о судьбе ее сыновей.

203. Правительство утверждало, что эти суммы были завышены и приведут к неосновательному обогащению.

204. Суд напоминает, что были установлены нарушения статей 2, 5 и 13. Он считает, что компенсация должна быть присуждена в их пользу с учетом серьезности рассматриваемых нарушений. Соответственно, он присуждает 20 000 фунтов стерлингов за каждого из сыновей заявителя, которые должны быть выплачены заявителю и удерживаться ею для наследников своих сыновей.

205. Более того, учитывая, что власти не помогли заявительнице в ее установлении истины о местонахождении ее сыновей, что привело к установлению нарушения статей 3 и 13 в ее отношении, Суд считает, что присуждение компенсации является необоснованным. также оправдано в ее пользу. Поэтому он присуждает заявителю 10 000 фунтов стерлингов.

С. Издержки и расходы

206. Заявитель потребовал в общей сложности 7760 фунтов стерлингов в качестве компенсации гонораров и расходов, понесенных в заявлении юридической группы в Соединенном Королевстве, и в общей сложности 8143 фунтов стерлингов в отношении гонораров и издержек, связанных с работой, выполненной юристами в Турции. Сюда входят гонорары и расходы, понесенные в связи с участием во сборе доказательств перед делегатами Комиссии на двух слушаниях в Анкаре. Заявитель также потребовал выплатить Курдскому проекту по правам человека (KHRP) 1205 фунтов стерлингов за почтовые услуги, связь, устный и письменный перевод.

207. Правительство сочло гонорары профессионалам завышенными и необоснованными и заявило, что следует учитывать применимые ставки Коллегии адвокатов Анкары.

208. Что касается требования о возмещении расходов, Суд, принимая решение на справедливой основе и принимая во внимание детали требований, представленных заявителем, присуждает ей сумму в 10 000 фунтов стерлингов вместе с любым налогом на добавленную стоимость, который может взиматься.

209. С другой стороны, Суд не убежден в существовании иска (1205 фунтов стерлингов), поданного от имени KHRP, поскольку не было предоставлено никаких подробностей о точной степени участия этой организации в подготовке дела. Соответственно, эта часть иска отклоняется.

D. Процентная ставка

210. Согласно имеющейся у Суда информации, установленная законом процентная ставка, применяемая в Соединенном Королевстве на дату принятия настоящего решения, составляет 7,5% годовых.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. Постановил шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении сыновей заявителя;
2. Постановил единогласно, что не было нарушения статьи 3 Конвенции в отношении сыновей заявителя;
3. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении сыновей заявителя;
4. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителя;
5. Постановил шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в отношении заявителя;
6. Постановил единогласно, что не было нарушения статьи 14 Конвенции в совокупности со статьями 2, 3, 5 и 13 Конвенции;
7. Постановил единогласно, что нет необходимости принимать решение по жалобе заявителя в соответствии со статьей 18 Конвенции;
8. Постановил единогласно, что не было нарушения Конвенции в отношении внука заявителя;
9. Постановил шестью голосами против одного.
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты вступления судебного решения в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции следующие суммы, которые должны быть конвертированы в турецкие лиры по курсу: применимо на дату платежа:
 - (i) в качестве компенсации материального ущерба 10 000 (десять тысяч) фунтов стерлингов, эта сумма должна быть удержана заявительницей для наследников ее сыновей;
 - (ii) в качестве компенсации морального вреда 40 000 (сорок тысяч) фунтов стерлингов, эта сумма должна быть удержана заявительницей для наследников ее сыновей;
 - (iii) в отношении компенсации за моральный вред - 10 000 (десять тысяч) фунтов стерлингов;
 - (b) простые проценты по годовой ставке 7,5% должны выплачиваться по истечении вышеупомянутых трех месяцев до момента выплаты;

10. Постановил единогласно.

(a) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты вступления судебного решения в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции на банковский счет последнего в Соединенном Королевстве в отношении расходов и издержек - 10 000 (десять тысяч) фунтов стерлингов вместе с любым налогом на добавленную стоимость, который может взиматься;

(b) простые проценты по годовой ставке 7,5% должны выплачиваться по истечении вышеупомянутых трех месяцев до момента выплаты;

11. Отклоняет единогласно остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 27 февраля 2001 г. в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Майкл О'БОЙЛ
Регистратор

Элизабет ПАЛЬМА
Президент

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(a) совпадающее мнение г-на Р. Марусте;

(b) частично совпадающее и частично особое мнение г-на Ф. Гельчуклю.

ЕРМОВ

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАРУСТЕ

Я согласен с большинством в установлении нарушения статьи 2 как в материальном, так и в процессуальном аспектах. Но, к моему сожалению, я не могу следовать окончательному выводу палаты, представленному в § 145, где говорится, что «следует, что ответственность за их смерть возлагается на государство-ответчик». Эта формулировка ясно и определенно указывает на то, что двое исчезнувших лиц считаются мертвыми.

Насколько я понимаю, использование такого определенного языка сомнительно по следующим причинам:

У суда нет доказательств судьбы пропавших без вести. Нет ни трупа, ни доказательств жестокого обращения с этими людьми (см. Вывод в § 156) или даже признаков какого-либо жестокого обращения. Также нельзя считать ситуацию опасной для жизни. В этом отношении случай отличается, например, от дела Курта. Единственный аргумент в пользу предполагаемой смерти - отсутствие какой-либо информации об их местонахождении в течение шести с половиной лет. В решении по делу Курта подчеркивалось, что Суд должен тщательно изучить, действительно ли существуют конкретные доказательства, которые позволили бы ему сделать вывод о том, что (это лицо), вне всяких разумных сомнений, было убито властями во время содержания под стражей или в какой-либо последующий период. сцена. Я считаю доказательную базу в данном случае слишком слабой для такого окончательного вывода, о котором говорилось выше.

Более того, я не считаю юридически правильным приравнивать смерть и исчезновение в данных обстоятельствах. Я не хочу размышлять о возможности того, что сыновья заявителя будут найдены живыми в какой-то момент в будущем. Пока эта возможность не была окончательно исключена, для международного суда было бы преждевременным заключать, что смерть действительно наступила. По этим причинам я бы добавил к этому выводу слово «предполагаемая» или «возможная» (смерть).

Но, на мой взгляд, даже это решение не является лучшим, и было бы более подходящим квалифицировать ситуацию такой, какая она есть на самом деле, то есть исчезновение, за которое несет ответственность правительство, поскольку пропавших без вести в последний раз видели живыми и здоровыми, когда они находились под контролем властей. Ясно, что бремя доказывания в этих обстоятельствах перекладывается на Правительство, которое, как было установлено, не представило убедительных доказательств судьбы пропавших без вести.

Исчезновения являются признанной категорией в международном праве [см., Например, Декларацию ООН о защите всех лиц от насильственных исчезновений - GA res. 47/133, 18.12. 1992 г., в котором,

в частности, говорится, что «... исчезновение... нарушает... право на жизнь»; см. также прецедентную практику Комитета ООН по правам человека в этом отношении (например, Кинтерос против Уругвая, 107/1981, Отчет Комитета по правам человека, GAOR, 38-я сессия, Дополнение № 40, 1983, Приложение XXII, § 14) и прецедентное право Межамериканского суда по правам человека (например, дело Веласкеса Родригеса, решение от 29 июля 1988 г., серия С, № 4, § 157). Я не вижу серьезных препятствий для применения этой доктрины в данном конкретном случае (и при аналогичных обстоятельствах в практике Суда в целом), даже если такой вывод не подкреплён более общим анализом и оценкой того, что, согласно утверждениям, является официально допустимой практикой исчезновений. Насколько я понимаю, согласно доктрине позитивного обязательства, даже одно единственное исчезновение будет подпадать под первое предложение пункта 1 статьи 2, который обязывает государства защищать право каждого на жизнь. Исчезновение человека, находящегося под контролем властей, означает, что его жизнь не была должным образом защищена. Такая квалификация была бы более уместной в этих обстоятельствах и оставила бы дверь открытой для любых последующих событий, какими бы они ни были. даже одно единственное исчезновение подпадало бы под первое предложение пункта 1 статьи 2, которое обязывает государства защищать право каждого на жизнь. Исчезновение человека, находящегося под контролем властей, означает, что его жизнь не была должным образом защищена. Такая квалификация была бы более уместной в этих обстоятельствах и оставила бы дверь открытой для любых последующих событий, какими бы они ни были. даже одно единственное исчезновение подпадало бы под первое предложение пункта 1 статьи 2, которое обязывает государства защищать право каждого на жизнь. Исчезновение человека, находящегося под контролем властей, означает, что его жизнь не была должным образом защищена. Такая квалификация была бы более уместной в этих обстоятельствах и оставила бы дверь открытой для любых последующих событий, какими бы они ни были.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ, ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ГЁЛЬЧЮКЛЮ:

(Перевод)

К моему большому сожалению, я не могу разделить выводы большинства относительно нарушения статей 2 и 13 Конвенции и применимости статьи 41 в отношении присуждения компенсации материального ущерба.

Позвольте мне объяснить.

1. В настоящем деле нет даже доказательств *prima facie* того, что сыновья заявителя умерли, находясь под стражей в органах безопасности. Напротив, другие задержанные вместе с ними заключенные лично слышали, как солдаты говорили, что они собираются их освободить (см. Пункты 84, 93 и 103). В материалах дела нет доказательств, устанавливающих вне всяких разумных сомнений, что сыновья заявителя умерли во время содержания под стражей. Предполагалось, что они умерли просто потому, что были арестованы и, по мнению большинства, «из-за особых обстоятельств, которые сложились» в этой части страны из-за террористических действий РПК. На мой взгляд, эти факты - сами по себе незначительные в отношении жалоб заявителя по статье 2 - никоим образом не достаточны для обоснования вывода о том, что имело место нарушение этой статьи. Это не более чем праздные предположения о том, что сыновья заявителя умерли в заключении и что ответственность за это несет государство-ответчик (см. Параграфы 141 и последующие).

Таким образом, я прихожу к выводу, что статья 2 неприменима в настоящем деле и определенно не была нарушена.

2. Для более подробного объяснения по этому поводу я ссылаюсь на свое особое мнение по делу Тимурташ против Турции (решение от 13 июня 2000 г.) и анализ Суда по делу Курт против Турции (решение от 25 мая 1998 г.); последний случай следует рассматривать в качестве ведущего органа в делах об исчезновении, в которых, как в настоящем деле, смерть не была установлена вне всяких разумных сомнений.

Что касается нарушения статьи 13, на мой взгляд, как только большинство в этом деле пришло к выводу (см. Пункт 148), что имело место нарушение статьи 2 Конвенции на том основании, что не было эффективного расследования исчезновения сыновья заявителя были осмотрены (процессуальный аспект), отдельный вопрос по статье 13 не возник, поскольку одни и те же факты лежали в основе жалоб заявителя по статьям 2 и 13. По этому поводу я также ссылаюсь на свои особые мнения в дела Кая против Турции (решение от 19 февраля 1998 г.), Махмут Кая против Турции (решение от 28 марта 2000 г.) и Аккоч против Турции (решение от 10 октября 2000 г.).

3. Наконец, в настоящем деле, как я только что объяснил, поскольку смерти были установлены просто на основании презумпции, а не вне всяких разумных сомнений, нет никаких оснований для присуждения наследникам сыновей заявителя компенсации в виде какой-либо материальной компенсации. какой бы то ни было ущерб.